

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

М.П. ЛОБАНОВ

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРСТВЕННИК

СТАЛИН
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ
И ДОКУМЕНТАХ
ЭПОХИ

Михаил Петрович Лобанов
Великий государственный.
Сталин в воспоминаниях
современников и
документах эпохи
Серия «Рядом со Сталиным»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056851

*Великий государственный. Сталин в воспоминаниях современников и
документах эпохи / Михаил Лобанов: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0387-6*

Аннотация

И спустя шестьдесят лет, как не стало Сталина, вокруг его имени не утихают страсти. Последние убийственные двадцать лет только тому подтверждение. Сколько грязи, подлых обвинений слышится в его адрес. Это объяснимо. Ведь провалы по всем направлениям либеральных реформ можно с легкостью списать на Сталина. А великие достижения советского периода, прославившие Россию в веках, приписать только народу, и Сталин здесь как бы ни при чем. Спрашивается, что же сейчас, в наше время, народ не строит? Правда, он вымирает по

миллиону в год... Политический деятель и полководец, жестокий и беспощадный к своим врагам, всемогущий правитель огромной страны, достигшей при нем невиданной экономической силы, таким предстает Сталин со страниц этой уникальной книги, автор и составитель которой наш современник, выдающийся писатель, солдат Великой Отечественной войны, участник Курской битвы Михаил Петрович Лобанов.

Содержание

ЯВЛЕНИЕ СТАЛИНА	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	12
ГЛАВА ВТОРАЯ	50
А. С. АЛЛИЛУЕВА	50
В. ШВЕЙЦЕР	65
ЯКОВ СВЕРДЛОВ	75
А. С. АЛЛИЛУЕВА	76
СТАЛИН О БУДУЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ	95
ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ СТАЛИНА НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП(Б)	97
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	99
СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВСКИЙ[14]	102
СМЕРТЬ ГУЛЯЕТ НАД СТРАНОЙ	102
СТАЛИН И ТРОЦКИЙ	103
ПИОНЕРЫ НОВОЙ РОССИИ	108
САМОДЕРЖАВИЕ ПАРТИИ	110
ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ	113
СУРОВЫЕ И ОЗАБОЧЕННЫЕ ЛЮДИ	116
В. НАДТОЧИЕВ	120
«ВЗРЫВ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ АБСОЛЮТНО НЕОЖИДАННЫМ»	120
ПОСЛЕ ЛЕНИНА	123

А ЧТО ЖЕ ТРОЦКИЙ?

127

Конец ознакомительного фрагмента.

129

Михаил Лобанов
Великий государственный.
Сталин в воспоминаниях
современников и
документах эпохи

© Лобанов М. П., 2013

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

ЯВЛЕНИЕ СТАЛИНА

Видимо, у каждого из нас, современников сталинской эпохи, навсегда осталось в сознании, а может быть, даже в подсознании то, что на философском языке называется экзистенциальным опытом, той глубоко пережитой существенностью, которая составляет сокровенное личное бытие человека. Незабываемо для меня одно переживание, когда я учился в пятом классе сельской школы на Рязанщине: была у меня школьная тетрадь с портретом, кажется, Рыкова; испытывая непонятный мне самому страх, боясь, что за этот портрет меня могут куда-то забрать, я не знал, как мне от него отделаться, и в конце концов, разорвав на клочки, выбросил тетрадь во дворе в уборную. Было это в 1938 году, в год, как известно, судебного процесса над «правыми». И, видно, что-то тревожное было в атмосфере тогдашней жизни, если даже меня, подростка, коснулся страх.

И другие незабываемые переживания, когда уже после войны, будучи студентом Московского университета, выходя из университетской библиотеки на Моховую и глядя на зубчатые стены Кремля, особенно в зимние метельные вечера, я думал о таинственном Сталине, живущем, работающем за этими стенами, и чувствовал, что нахожусь в самом центре мира, куда сходятся токи истории.

Многое, что ранее было скрыто из прошлого, ныне из-

вестно. Но появившись на поверхности, это прежде скрытое, новой злой волей нагнетаемое до высшей температуры ненависти, деформированное закрывает собою все то великое (равное по драматической напряженности высшим точкам мировой истории), чем жили, за что боролись целые поколения людей. Под видом антисталинизма выжигается вся семидесятилетняя история нашего государства. Именно после беспримерной по интенсивности кампании против «сталинщины», захлестнувшей в течение двух-трех лет (1989–1991) прессу, телевидение, радио, перестала существовать величайшая в мире держава – Советский Союз.

И вот уже, как у побежденных, у нас хотят отнять все наше славное прошлое и саму нашу Победу.

История нашего государства в XX веке неотделима от имени Сталина, в его личности преломились все страшные противоречия нашей эпохи, о которых еще много будут говорить историки, но более далекие от нынешних политических страстей. Сталин – «тема» необъятная, которая вообще вряд ли когда будет исчерпана, как явление вневременное. Эта книга – не научное исследование, даже не биография политического деятеля. Это опыт психологического познания «сталинской эпохи» через свободный выбор каких-то, иногда, может быть, случайных биографических фактов политика, исторических событий, раздумий «по поводу». Ведь в итоге из «частного» и складывается «общее».

Более тридцати лет назад (точнее – в 1977 году) мне дове-

лось побывать в городе Гори. Целую неделю до этого провел я в Тбилиси, в его окрестностях, бродил по улицам, заглядывал в знаменитые тбилисские дворики, осматривал музеи, картинные галереи с модным тогда Пиросмани, был на богослужении в кафедральном соборе Сион, встречался с гостеприимными грузинами (обо всем этом я написал потом в «Грузинских страницах», опубликованных в том же 1977 году в журнале «Молодая гвардия»). Беседуя как-то во дворе древнего монастыря с новым своим знакомым, возившим меня по достопримечательным местам, я услышал от него историю о том, как был репрессирован его дед-священник, и слушая этот, даже и тогда осторожный, рассказ, я думал: все мы, и русские, и грузины, и все другие повязаны одной судьбой.

Собрался было я уже уезжать через день, и здесь меня остановило: а в Гори-то я и не был. Тогда мне казалось, что о Гори мало кто и вспоминает, после всего того, что последовало после смерти Сталина, после прокатившегося по стране «разоблачения культа личности». Первое, что я увидел в Гори, идя по площади, – это памятник Сталину, представилось мне – единственный в стране (так, возможно, и было). Сталин стоял, открытый, не защищенный никакими властями, и в этом было что-то почти ирреальное.

От памятника пошел я к дому, где родился Сталин, и в павильоне, под высокой, кажется, стеклянной крышей, не сразу понял, что это и есть то, что сохраняется историей.

Здесь я прерву свою мысль и передам слово автору, который с большими подробностями, чем это мог бы сделать я теперь (по прошествии долгих лет после посещения), так описывает этот домик, где родился, провел раннее детство Сталин. «Это единственная маленькая комната... в три окошка... Простой обеденный стол, покрытый полотняной скатертью с серовато-голубой каймой. За столом могут сидеть только четыре человека. Когда приходили гости, хозяйка поднимала добавочную откидную доску. Четыре некрашенных деревянных табуретки. На столе глиняная тарелка и желтовато-коричневый глиняный кувшин для воды. Рядом стоит старая медная керосиновая лампа... Вот кровать, покрытая двумя крестьянскими рукодельными покрывалами... Вот стоит небольшой сундук. В нем помещалось почти все имущество семьи. Вот стоит грузинский ящик для хлеба – «кидобани». В стену вделаны неглубокие шкафы для посуды, для одежды... Вот, наконец, парадный кусочек комнаты: стоит маленький буфет, покрытый желтовато-серой клеенкой. На буфетике – медный начищенный самовар... Стол, четыре некрашенных табуретки, кровать, сундук, ящик для хлеба, буфетик, самовар – вот и вся обстановка, все убранство...

Нам осталось еще посмотреть нижнее, подвальное помещение. Туда ведут семь ступенек. Спустимся – ступеньки идут винтом, полуповоротом. Вот совершенно прокопченный темный свод подвала, стены, обмазанные простой глиной. Свет сюда проникает лишь через верхушки окон, нахо-

дящихся на уровне панели... Вот и подвал, низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина... Вот три ниши, где хранились материалы: кожи, дратва, шила, инструменты отца, запасы продуктов и разные домашние вещи. В стене «совершенно черный от копоти очаг» (Вишневский Вс. Домик в Гори // Заря Востока, 27 дек. 1937 г.).

Автор заключает: «Вот так, необычайно просто, до слез просто выглядит исторический домик...» Но, пожалуй, это жилище, вся обстановка поражает даже не столько простотой, сколько пронзительной нищетой, и не в этом ли, хотя бы отчасти, отгадка того, что молодой Сталин выбрал в жизни путь революционный, не мирящийся с тем, с чем было связано его детство. Но в то же время не отсюда ли и его пожизненный аскетизм, отмечавшийся всеми, кто его знал, совершенное безразличие его к бытовым удобствам, комфорту, роскоши. В этом, как и во многом другом в его личности, та «загадочность» Сталина, о которой немало сказано в воспоминаниях о нем.

Ниже дается, на наш взгляд, наиболее полный, объективный материал о детских, юношеских годах Сталина, собранный составителями Вл. Каминским и Ив. Верещагиным и опубликованный в журнале «Молодая гвардия» (1939 г., № 12).

Михаил Лобанов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОСО

...Город, важный как по своей древности, так и по местоположению, в центре живописной долины Карталинской. Время основания города в точности неизвестно, но глубокая древность его неоспорима. Название «Гори» произошло от слова «гори», означающего по-грузински «холм». В самом деле, крепость города, неприступная до изобретения огнестрельного оружия, находится на вершине высокого и утесистого холма. Город расположен внизу, на берегу Куры, принимающей тут же слившиеся два значительных притока, Лиахви и Меджуду. Таким образом, с трех сторон окруженный реками, он открыт только с одной, северной стороны, где расстилаются обширные долины, покрытые нивами и виноградниками.

Грузинские летописи в первый раз упоминают о Гори в начале VII века. Крепость на высокой горе служила запасным местом военных приготовлений во время войны с Персией.

(П. Иосселиани. Туземные города, существовавшие и существующие в Грузии. Журнал министерства внутр. дел, часть 6, с. 398–400. СПб., 1844 г.)

В 1801 году, 13 сентября, Гори определяется уездным го-

родом, и учреждаются уездные правительственные учреждения.

В 1818 году в Гори русское царское правительство основывает первую школу – духовное училище, в котором впоследствии товарищ Сталин получил первоначальное образование.

В 1876 году, 18 октября, в Гори открывается городское самоуправление и совет гласных в составе 30 человек.

В 1879 году, 21 декабря, в Гори, в семье ремесленника Джугашвили родился вождь мирового пролетариата – великий Сталин.

(Из статьи И. Г. Хуцишвили в № 89 газеты «Сталинели» от 12 мая 1939 г.)

Одно из крупных крестьянских восстаний произошло в Анануре. Там царские офицеры арестовали 10 повстанцев, среди которых был крестьянин Заза Джугашвили – прадед И. В. Сталина (по линии отца).

Зазе удалось сбежать из-под стражи и скрыться в Горийский уезд, где его взяли в крепостные князя Эристави. Здесь Заза Джугашвили снова поднял среди крестьян восстание. По подавлении восстания Джугашвили бежал в Геристави и некоторое время был там пастухом. Однако местопребывание его было обнаружено, и Зазе пришлось и отсюда скрыться, после чего мы видим его в Диди-Лило.

У Вано Джугашвили (дед И. В. Сталина) родились два сы-

на – Бесо (Виссарион) и Георгий. Ваню развел в Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом, куда нередко водил и своего сына.

После смерти Ваню одного из сыновей его – Георгия – убили в Кахетии разбойники, а Бесо (отец И. В. Сталина) поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельханова. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Когда Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили.

Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую... Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту – Кеке Геладзе.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбаретули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду и тяжкий гнет помещика.

В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори.

Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте.

В 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адельханова в Тбилиси.

(Газета «Заря Востока» № 129 от 8 июня 1937 г.)

Отец вождя Виссарион (называли его просто Бесо) был выше среднего роста и худощав. Волосы у него были черные, носил он усы и бороду. Как я его помню, у него не было ни одного седого волоса. В молодости наш вождь внешне очень походил на своего отца.

(По воспоминаниям Давида Папиташивили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Я спрашивал у прохожих в верхней части города, где Русис-убани, русский квартал. В этом квартале жила семья Джугашвили. Здесь недалеко были солдатские казармы, поэтому и квартал назывался русским. Никто из прохожих не знает, что такое Русис-убани, – это название исчезло.

От базара петляешь переулочками, и вдруг они расступаются. На широком пространстве стоит домик – такой, каких десятки вокруг, одноэтажный, маленький, кирпичный... В

этом домике родился Сталин. Здесь, у входа в подвал дома, в холодке работал отец Сталина – сапожник Виссарион Иванович Джугашвили, прекрасный мастер, чьи сапоги славились по всему Гори. Здесь он работал молодым, статным, пока нужда не сторбила и преждевременно не состарила его.

(Б. Ивантер. На родине Сталина. Журнал «Пионер» № 1, с. 12–13, 1938 г.)

Сосо было 5 лет, когда его отец уехал в Тифлис и стал работать на обувной фабрике Адельханова. Кеке со своим маленьким сыном осталась в Гори.

(По воспоминаниям Семена Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Кто в Гори не знал эту живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе? У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках – кройка и шитье, стирка, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом.

(По воспоминаниям Семена Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Мать Сосо – Кеке – была прачкой. Она зарабатывала мало и с трудом воспитывала своего единственного сына Сосо.

После того как Виссарион Джугашвили уехал из Гори,

Сосо остался на попечении своей матери. Мать очень любила Сосо и решила отдать его в школу. Судьба улыбнулась Кекке: Сосо приняли в духовное училище. Ввиду тяжелого положения матери и выдающихся способностей ребенка Сосо назначили стипендию: он получал в месяц три рубля. Мать его обслуживала учителей и школу, зарабатывала до десяти рублей в месяц, и этим они жили.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

С виду Иосиф Джугашвили был худой, но крепкий мальчик. Жизнерадостный и общительный, он всегда окружен был товарищами. Он особенно любил играть со своими сверстниками в мяч (лапту) и «лахти». Это были излюбленные игры учеников. Иосиф умел подбирать лучших игроков, и наша группа всегда выигрывала.

(П. Капанадзе. Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 19.)

Запомнилась одежда, в которой Иосиф Джугашвили появился зимой в школе. Его заботливая мать, зарабатывавшая на жизнь кройкой, шитьем и стиркой белья, старалась, чтобы сын был одет тепло и опрятно.

На Иосифе было синее пальто, сапоги, войлочная шляпа и серые вязаные рукавицы. Шея обмотана широким красным шарфом. Нравился нам его яркий шарф.

Иосиф был среднего роста, худощав. В школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца. Походка – уверенная, взгляд живой, весь он – подвижный, жизнерадостный.

(Г. Глурджидзе. Памятные годы. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 25–26.)

В конце каждого учебного года Сосо переходил из класса в класс по первому разряду, как первый ученик... Его способности поневоле бросались всем в глаза.

У этого очень одаренного мальчика был приятный высокий голос – дискант. За два года он так хорошо усвоил ноты, что свободно пел по ним. Вскоре он стал уже помогать дирижеру и руководил хором...

В тот период, когда пел Сосо, в хоре набрались хорошие голоса. При этом и я, как молодой дирижер, был заинтересован в том, чтобы показать себя хорошим руководителем. И действительно, хор у меня был поставлен хорошо. Мы исполняли вещи таких композиторов, как Бортнянский, Турчанинов, Чайковский и др.

Сосо хорошо пел в хору учеников духовного училища. Обычно он исполнял дуэты и соло. Часто заменял регента хора.

(Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Как-то раз, 6 января (в день церковного праздника «Кре-

щения». — *Авт.*) на «иордань», возле моста через Куру, пришло множество народу. На главной улице были выстроены войска. После церемонии духовенство возвращалось по своим церквам, причем все улицы были переполнены народом. Стопился народ и в узкой улочке около Оконской церкви. Никто и не заметил, что сверху бешено мчится фаэтон с пассажиром...

Фаэтон врезался в толпу как раз в том месте, где стоял наш хор певчих. Сосо хотел было перебежать через улочку, но не успел: фаэтон налетел на него, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но... по счастью, колеса переехали лишь по ногам мальчика.

Хор певчих мгновенно окружила толпа. Подняли потерявшего сознание ребенка (Сосо было тогда 10–11 лет) и доставили домой. При виде изувеченного сына мать не смогла сдержать горестного вопля...

Сосо открыл глаза и прошептал: «Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо». Мать сразу успокоилась. Пришел доктор, промыл рану, остановил кровотечение, сделал перевязку и затем объявил:

– Внутренние органы не повреждены...

Сосо пролежал в постели две недели, а затем снова вернулся к занятиям.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный правлением училища после годичных испытаний, бывших в конце 1891—92 учебного года.

II класс

Удостоены перевода в III класс.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, 2) Карухнишвили Мина, 3) Кандаки Александр, 4) Тхинвалели Христесий, 5) Гигиташвили Георгий.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1892 г., с. 14.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный после годичных экзаменов, бывших в конце 1892/3 учебн. года.

III класс

Переводятся в IV класс.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, 2) Гордезиани Дионисий, 3) Тхинвалели Христесий.

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 14 от 15 июля 1893 г., с. 7.)

В 1888 году родители определили меня в Горийское духовное училище. В классе я сидел на одной парте с Иосифом Джугашвили. Учился я слабо, и товарищ мой, Сосо, всегда

охотно помогал мне.

В нашем классе учились дети богатых и бедняков. Их отношение к нам постепенно обострялось еще и потому, что Сталин, считавшийся в классе первым учеником, был из нашей среды.

Сталин обладал исключительной памятью. Объяснения преподавателей он усваивал отлично и потом в точности их пересказывал.

Он никогда не отказывался от своих слов, будучи всегда уверен в их правильности. Прекрасно отвечал он, когда его вызывали к доске.

...Преподаватель Илуридзе упорно придирался к Иосифу и всегда на уроке старался «срезать» его, как жоака нашей группы. Он называл нас «детьми нищих и несчастных».

Однажды Илуридзе вызвал Иосифа и спросил:

– Сколько верст от Петербурга до Петергофа?

Сосо ответил правильно. Но преподаватель не согласился с ним. Сосо же настаивал на своем и не уступал.

Упорство его, нежелание отказаться от своих слов страшно возмутили Илуридзе. Он стал угрожать и требовать извинений, но Иосиф обладал крепким, непримиримым характером и упорством. Он снова несколько раз повторил то же самое, заявляя, что он прав. К нему присоединились некоторые из учеников, и это еще более разозлило преподавателя. Он стал кричать и ругаться. Сталин стоял неподвижно, глаза его так и расширились от гнева...

Он так и не уступил.

(М. Титвинидзе. Страница воспоминаний. Газета «Заря Востока» № 187 от 12 августа 1936 г.)

В духовном училище воспитывались будущие священники, и поэтому им всячески старались привить богобоязнь и смирение.

Однако на Иосифа Джугашвили такая система воспитания не влияла. Ни одной из перечисленных выше добродетелей в нем не было заметно. Несмотря на строгий режим, он был и остался смелым и свободолюбивым мальчиком. В то время как другие ребята, в большинстве своем, чуть ли не трепетали перед школьным начальством, Иосиф смело подходил к любому преподавателю, говорил с ним о причинах отставания того или иного ученика, о средствах к его исправлению и т. п. Столь же смело обращался он с просьбами за провинившихся учеников к инспектору, к надзирателям.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

В Горийском духовном училище разрешили ввести часы светского пения, и это надо приписать инициативе Сосо. Помню, как-то раз, по окончании спевки, Сосо обратился ко мне с вопросом, почему рядом с нами, в городском училище, наряду с церковными поют и светские песни, а нам не разрешают.

После некоторого раздумья я ответил, что наша школа – духовное училище, поэтому мы должны хорошо знать церковное пение, для городского же училища это необязательно.

– Я думаю, – возразил Сосо, – что и мы ничего не потеряем, если хоть иногда будем исполнять народные песни. Попросим, может быть, разрешат...

Спустя некоторое время из Тбилиси для производства ревизии в училище приехал преподаватель духовной семинарии. Результатами ревизии он остался доволен.

Очень понравился ему наш хор, в особенности сольное исполнение Сосо. Последний воспользовался этим и шепнул мне, чтобы я поговорил с ревизором о введении в училище светского пения. Я передал ревизору о нашем общем желании, причем и Сосо принял участие в этой беседе.

Ревизор предложил нам подать соответствующее заявление в правление училища и обещал, что поддержит наше ходатайство перед экзархом. Мы так и сделали. Через некоторое время от экзарха было получено разрешение исполнять светские песни и выделить особые часы для занятий учеников гимнастикой. После этого в стенах училища часто можно было слышать грузинские народные песни, исполняемые хором под руководством Сосо: «Чаухтет да чаухтет Бараташвилса»¹, «Курдгели чамоцанцалда»², «Вай шен чемо тетро

¹ «Узнаем и узнаем Бараташвили!»

² «Зайчик пропрыгал».

бато»³ и другие.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Разрядный список учеников Горийского духовного училища, составленный правлением училища после экзаменов, бывших в конце 1893/94 учебного года.

Класс IV

Рекомендуются к переводу в семинарию.

Разряд первый:

1) Джугашвили Иосиф, 2) Лиадзе Самсон, 3) Тхинвалели Христесий, 4) Гордезиани Дионисий, 5) Хурошвили Роман (и другие. – Авт.).

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 14 от 15 июля 1894 г., с. 14.)

Горийское духовное училище мы окончили в 1894 году. На выпускных экзаменах Иосиф особенно отличился. Помимо аттестата с круглыми пятерками ему выдали похвальный лист, что для того времени являлось событием из ряда вон выходящим, потому что отец его был не духовного звания и занимался сапожным ремеслом.

(Д. Гогохия. На всю жизнь запомнились эти дни. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 41.)

Между Виссарионом и Кеке возникли неприятности по

³ «Горе тебе, мой белый гусь!»

вопросу о воспитании сына. Отец был того мнения, что сын должен унаследовать профессию своего отца, а мать придерживалась совершенно иного взгляда.

– Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я – сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником! – так часто говорил Виссарион своей жене.

Несмотря на то что Виссарион жил и работал в Тифлисе, а Кеке с сыном – в Гори, она постоянно беспокоилась:

– А ну как приедет Виссарион да увезет сына и окончательно оторвет его от учебы?

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Виссариону не давала покоя мысль, что его сын ходит в училище и не изучает ремесло. И вот в один прекрасный день в Гори приехал Виссарион и отдал Сосо на фабрику Адельханова.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Маленький Сосо работал на фабрике: помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Гбил. фил. ИМЭЛ.)

Через некоторое время мать в свою очередь поехала в Тифлис и увезла сына с фабрики. Некоторые из преподавателей знали о судьбе Сосо и советовали оставить его в Тифлисе. Служители экзарха Грузии предлагали ей то же самое, обещая, что Сосо будет зачислен в хор экзарха, но Кеке и слышать об этом не хотела. Она спешила увезти сына обратно в Гори...

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Гбил. фил. ИМЭЛ.)

Ребята в то время зачитывались книгами Ильи Чавчавадзе, Ал. Казбеги и других грузинских писателей.

Одной из партийных кличек Сталин впоследствии избрал себе «Коба» – это имя одного из героев Казбеги.

Любимой книгой горийских школьников была поэма Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како». Ребята непосредственно выражали свои чувства, чуть не плакали, когда помещик избивал старика, отца Како, и шумно восторгались, когда Како убивал помещика.

(Б. Ивантер. На родине Сталина, с. 24.)

Иосиф научился отлично рисовать, хотя в те годы в училище рисованию нас не обучали. Помню нарисованные им портреты Шота Руставели и других грузинских писателей.

(П. Капанадзе. Я должен увидеть Ленина. Сборник «Рассказы старых рабочих о великом вожде», с. 20.)

Тифлис считается одним из древнейших городов на свете. Древностью он, как город, уступает известным городам Египта, Вавилонии, Ниневии, Персии, Финикии, Греции и Рима. Из городов Грузии он новее Мцхета и Кутаиса. Тифлис видел появление и исчезновение исторических народов: греков, римлян, арабов, монголов и византийцев. Он был поочередно под влиянием этих народов, оставивших свои следы в языке, нравах и учреждениях грузинского народа... Существование Тифлиса, прежде чем он сделался городом и резиденцией царей, теряется в мраке веков. Столицею Грузии он делается на исходе IV столетия н. э., до того же времени роль эта принадлежала Мцхету.

(Дмитрий Бакрадзе и Николай Берzenов. Тифлис в историческом и этнографическом отношениях, с. 1–2. СПб., 1870 г.)

Осенью 1894 года Иосиф Джугашвили блестяще сдал приемные экзамены в Тифлисскую духовную семинарию и был принят в пансион при ней.

(По воспоминаниям С. П. Гогличидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Список казеннокоштных учеников Тифлисской дух. семинарии в первой половине 1894/95 учебного года.

А. На счет Грузинского церк. казначейства:

1) Полные пансионеры: VI класса: 1) Ефимов Симон (и другие, всего 40 чел. – Авт.).

2) Полупансионеры: I класса: Андриевский Иван, Мхатвришвили Ясон, Николишвили Николай, Касрадзе Антон, Джугашвили Иосиф (и другие, всего 18 чел. – Авт.).

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 1 от 1 января 1895 г., с. 10.)

После поступления в семинарию Сосо заметно изменился. Он стал задумчив, детские игры перестали его интересовать.

(По воспоминаниям Давида Папиташвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

Фасад здания духовной семинарии выглядел с улицы так же, как и теперь, за тем исключением, что на балконе, выходящем на Пушкинский сквер, висели в то время колокола (были подвешены на железной штанге).

К зданию примыкал большой двор с несколькими акациями и скамьями около них. У стены были сложены большие поленицы дров. В глубине двора помещалась начальная школа для проходящих детей. Здесь воспитанники 5-го и 6-го классов давали детям пробные уроки.

Главный вход в семинарию – со стороны Пушкинского сквера. При входе в первый этаж налево помещались инспектор и надзиратели, направо – канцелярия; прямо против вхо-

да – больница. В подвальном помещении были расположены гардероб и столовая с кухней при ней.

Во втором этаже: посредине – домовая церковь семинарии, а по сторонам ее (окнами на улицу) – классы, учительская и квартира ректора; в квартире была устроена секретная дверь, через которую ректор незаметно мог наблюдать за поведением учеников в церкви.

В третьем этаже помещались спальные комнаты и библиотека.

(Записано со слов Г. И. Елисабедашвили и З. А. Давиташвили.)

Разрядный список учеников Тифлисской духовной семинарии, составленный правлением семинарии в конце 1894/95 учебного года.

I класс, 1-е отделение.

Переводятся во II класс: 1) Новиков Александр, 2) Феохари Константин, 3) Семенов Михаил, 4) Сахтаров Харлампий, 5) Антоненко Иван, 6) Ткешелашвили Константин, 7) Шубладзе Илья, 8) Джугашвили Иосиф, 9) Цагарели Константин (и другие. – Авт.).

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1895 г., с. 10.)

Разрядный список воспитанников Тифлисской духовной семинарии, составленный по окончании 1895/96 учебного

года.

II класс, 1-е отделение.

Переводятся в III класс: разряд первый:

1) Новиков Александр, 2) Шубладзе Илья, 3) Семенов Михаил, 4) Кубалов Иван, 5) Джугашвили Иосиф (и другие. – *Авт.*).

(«Духовный вестник Грузинского экзархата» № 13 от 1 июля 1896 г., с. 13.)

Пятнадцатилетний Сталин внимательно присматривался к семинарским порядкам, к новым товарищам. Тогда же он начал посещать нелегальный социал-демократический кружок.

«В революционное движение, – говорит Сталин, – я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе».

Одной из первых книг, прочитанных в 1894 году, был «Капитал» Маркса.

Юный Иосиф Джугашвили увлекался также научной и художественной литературой и написал несколько стихотворений, которые тогда же были напечатаны в газетах. Стихотворение, посвященное Р. Эристави, перепечатано в 1899 году в юбилейном сборнике Р. Эристави, а стихотворение «Утро» вошло в изданный в 1916 году учебник родного языка «Деда

эна».

(Г. Глебов. *Годы в семинарии. «Заря Востока» № 208 от 10 сентября 1938 г.*)

Сталин любил художественную литературу, читал Салтыкова-Щедрина – «Господа Головлевы», Гоголя – «Мертвые души», Эркмана-Шатриана – «История одного крестьянина», роман Теккерея «Базар житейской суеты» в двух томах и много других книг. С детства Сталин хорошо знал грузинских писателей, любил Руставели, Илью Чавчавадзе, Вазу Пшавела. Увлекаясь литературой, Сталин, в период учебы в Тифлисской семинарии, написал несколько стихотворений, которые очень понравились Илье Чавчавадзе, – достаточно отметить, что они помещались в газете, которую редактировал Чавчавадзе, на первой странице, на видном месте.

(Г. Паркадзе. *Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока» № 46 от 26 февраля 1939 г.*)

В июне – декабре 1895 года на страницах «Иверии» за подписью И. Дж-швили (И. Джугашвили), а затем – Сосело (уменьшительное от имени Иосиф), было напечатано пять стихотворений Сталина. Из них одно является посвящением писателю Рафаэлу Эристави, другое называется – «Луне», а остальные не озаглавлены.

Шестое стихотворение «Старец Ниника» было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 года.

...И этою надеждою томимый,
Я радуюсь душой, и сердце бьется с силой.
Ужель надежда эта исполнима,
Что мне в тот миг, прекрасная, явилась?

*(Перевод с грузинского.)*⁴

⁴ «Молодая гвардия». 1939. № 12. С. 22–69. Составители Вл. Каминский и Ив. Верещагин.

ЛУНЕ

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.
К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонись,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.
Но твердо знай, кто был однажды
Повергнут в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.
Сияй на темном небосводе,
Лучами бледными играй,
И, как бывало, ровным светом
Ты озари мне отчий край.
Я грудь свою тебе раскрою,
Навстречу руку протяну,
И снова с трепетом душевным
Увижу светлую луну.

Когда крестьянской горькой долей,
Певец, ты тронут был до слез,
С тех пор немало жгучей боли
Тебе увидеть привелось.
Когда ты ликовал, взволнован
Величием своей страны,
Твои звучали песни, словно
Лились с небесной вышины.
Когда, отчизной вдохновленный,
Заветных струн касался ты,
То, словно юноша влюбленный,
Ей посвящал свои мечты.
С тех пор с народом воедино
Ты связан узами любви,
И в сердце каждого грузина
Ты памятник воздвиг себе.
Певца отчизны труд упорный
Награда увенчать должна:
Уже пустило семя корни,
Теперь ты жатву пожинай.
Не зря народ тебя прославил,
Перешагнешь ты грань веков,
И пусть подобных Эристави
Страна моя растит сынов.

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.
А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск, чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.
Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И свет ее над дальней гранью
Играет бледной синевой,
Когда над рощею в лазури
Рокочут трели соловья
И нежный голос саламури
Звучит свободно, не таясь,
Когда, утихнув на мгновенье,
Вновь зазвонят в горах ключи
И ветра нежным дуновеньем
Разбужен темный лес в ночи,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Вновь попадет в свой скорбный край,
Когда, кромешной тьмой томимый,
Увидит солнце невзначай, —
Тогда гнетущей душу тучи
Развеют сумрачный покров,
Надежда голосом могучим
Мне сердце пробуждает вновь.
Стремится ввысь душа поэта,
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста!

УТРО

Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробужден,
Склонился ландыш над травой.
Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебою, друзья,
Прославьте Родину свою!»

* * *

Постарел наш друг Ниника,
Сломлен злою сединой.
Плечи мощные поникли,
Стал беспомощным герой.
Вот беда! Когда, бывало,
Он с неистовым серпом
Проходил по полю шквалом —

Сноп валился за снопом.
По жнивью шагал он прямо,
Отирая пот с лица,
И тогда веселья пламя
Озаряло молодца.
А теперь не ходят ноги —
Злая старость не щадит...
Все лежит старик убогий,
Внукам сказки говорит.
А когда услышит с нивы
Песню вольного труда,
Сердце, крепкое на диво,
Встрепенется, как всегда.
На костыль свой опираясь,
Приподнимется старик
И, ребятам улыбаясь,
Загорается на миг⁵.

...Стихотворения молодого Сталина обратили на себя внимание. В 1901 году грузинский общественный деятель М. Келенджеридзе, составивший пособие по теории словесности, поместил в книге среди лучших образцов грузинской классической литературы стихотворение за подписью – Со-село.

В 1907 году тот же М. Келенджеридзе составил и издал «Грузинскую хрестоматию, или сборник лучших образцов грузинской словесности» (т. I), в которой на 43-й странице

⁵ См.: Колесник А.Н. Мифы и правда о семье Сталина. Ижевск, 1990.

помещено стихотворение Иосифа Сталина, посвященное Р. Эристави.

(Н. Николайшвили. Стихи юного Сталина. «Заря Востока» № 292 от 21 декабря 1939 г.)

Во дворе семинарии было сложено несколько сажень дров. Между стеной, со стороны теперешней улицы Кецохели, и дровами оставлено было довольно широкое укрытое место, угол. В этом углу часто сидели Сосо, Миша Давиташвили, Арчил Долидзе и другие и спорили по интересовавшим их вопросам. Часто сидел здесь один Сосо и читал книгу.

(По воспоминаниям Симона Натрошвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

«Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из «Дешевой Библиотеки», книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный лист».

«Пом. инсп. С. Мураховский. Инспектор Семинарии Иеромонах Гермоген».

«Наказать продолжительным карцером – мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги – «93 г.» В. Гюго».

(Запись (в ноябре 1896 г.) в кондуитном журнале Тифлисской дух. семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Цен-

трального музея имени В. И. Ленина.)

«В 11 ч. в. мною отобрана у Джугашвили Иосифа книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «Дешевой Библиотеки»; в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «Дешевой Библиотеки» названный ученик замечается уже в 13-й раз. Книга представлена мною о. Инспектору. Пом. Инспектора С. Мураховский».

«По распоряжению о. Ректора – продолжительный карцер и строгое предупреждение».

(Запись (в марте 1897 г.) в кондуитном журнале Тифлисской дух. семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центр. музея имени В. И. Ленина.)

«Джугашвили Иосиф (V, I,) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников 5-го класса, несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство производимися время от времени обысками среди учеников семинарии, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции.

Помощник инспектора А. Ржавенский».

«Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. Ректора, на пять часов. И. Д». (Иеромонах Димитрий Абашидзе. — *Авт.*)

(Запись в кондуитном журнале Тифлисской духовной семинарии за 1898–1899 гг. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)

Вспоминается 1898 год. Как-то раз, после обеда, мы, ученики, сидели в Пушкинском сквере, около семинарии.

Вдруг кто-то закричал: «Инспектор Абашидзе производит обыск у Джугашвили!» Я бросился в семинарию, подбежал к гардеробу, находившемуся в нижнем этаже, где хранились наши вещи в закрываемых нами на замок ящиках.

Войдя в гардероб, я увидел, что инспектор Абашидзе уже закончил обыск. Он взломал ящик Сосо, достал оттуда нелегальные книги и, забрав их под мышку, поднимался на второй этаж здания. Рядом с ним шел Сосо...

Вдруг в это время к инспектору неожиданно подбежал ученик шестого класса Василий Келбакиани и толкнул монаха, чтобы выбить из его рук книги. Это оказалось безуспешным. Тогда Келбакиани набросился на инспектора спереди, и книги тут же посыпались на пол. Сосо и Келбакиани быстро подхватили книги и бросились бежать...

Опешивший инспектор Абашидзе так и остался ни с чем.
(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил.

В Государственном архиве Саратовской области (ГаСо) есть отдельный фонд, в котором собрана коллекция личных бумаг саратовских епископов. Большую ее часть составляют бумаги Преосвященного Гермогена, бывшего в 1901–1903 гг. Вольским викарием, а позднее (1903–1912 гг.) – епископом Саратовским и Царицынским. Среди этих документов сохранилась часть, относящаяся к периоду служения Владыки Гермогена в городе Тифлисе ректором Тифлисской Духовной Семинарии (1893–1901 гг.). В основном это списки воспитанников семинарии, но один документ представляет собой объяснительную записку одного из воспитанников на имя инспектора семинарии иеромонаха Иоанникия (Ф. 1132, о. 1, ед. хр. 149). Эта записка, быть может, не представляла бы особого интереса, если бы этим воспитанником не был Иосиф Джугашвили (Сталин).

Совершенно удивительно, что эта записка не исчезла в известные времена, когда все подобные свидетельства изымались и уничтожались.

Иосиф Джугашвили поступил в Тифлисскую Духовную Семинарию в 1893 году и уже тогда совмещал обучение в духовном заведении с революционной работой. В 1898 году он вступает в тифлисскую организацию РСДРП, и вскоре его исключают из семинарии. В ГаСо сохранились также два упоминания о Джугашвили в списках воспитанников семи-

нарии (Ф. 1132, о. 1, ед. хр. 26). Первое – за 1897/98 учебный год, где указывается, что он обучается в первом отделении IV класса и что квартиры он не имеет. Второе – в списках за 1899 год, Иосиф Джугашвили в том же отделении V класса. В списках воспитанников, бывших у исповеди и Св. Причастия на первой неделе Великого Поста 1899 года его уже нет. Следовательно, публикуемый нами документ нельзя датировать позднее этого года. Этот документ не имеет определенной даты, и мы воспроизводим его текст без изменения орфографии, свойственной автору.

«О. Инспектор!

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг – избавить Вас от недоразумений на счет неисполнения мною данного Вам слова – возвратиться в семинарию в понедельник – обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресенье. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне – Свенеты. В понедельник перевезли туда умершего, а во вторник похоронили. Я решил было возвратиться во вторник ночью, но вот обстоятельства, связывающая руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершего со слезами умоляет меня «быть ея сыном хоть на неделю».

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь простете, решил тут остаться, тем более,

что в среду отпускаете желающих.

Воспитан. И. Джугашвили».

В 1899 году Сосо провел в семинарии всего лишь несколько месяцев. Он ушел из этого училища и целиком перешел на нелегальную работу среди рабочих.

Не раз приходилось мне видеть Сосо пробирающимся в толпе с такой быстротой, что просто невозможно было догнать его. Можно было только удивляться, как ловко и быстро Сосо, в своей кепке, в легком пальто и в синей сатинетовой блузе, опоясанной поясом с кистью, пробирается по улице сквозь шумливые массы людей.

Так как он шагал всегда прямо, – мы, близкие товарищи, – прозвали его Геза⁶. Вообще же он был известен под конспиративной кличкой Коба⁷.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ.)

На исходе XIX века, 28 декабря 1899 года, Сталин поселился в Тбилисской физической обсерватории, где он с этого же дня начинает работать в качестве наблюдателя-метеоролога.

Обсерватория помещалась на Михайловской улице, вблизи Муштаида. Невзрачного вида двухэтажный, покрытый черепицей, неоштукатуренный дом. Выделялся дере-

⁶ Геза – человек, идущий прямо.

⁷ Коба – имя героя повести А.Казбеги.

вянный балкончик с тесно насаженными балясинами. Под ним – входная дверь. Налево от входа – комната, где производилась обработка метеорологических наблюдений.

На дворе густо растут деревья. Лесистый кустарник тянется до самой Куры. В глубине двора помещается обсерватория. Она окружена рвом, через который перекинут мостик.

К круглому зданию пристроены дощатые флигеля. В «северном» работал двадцатилетний Иосиф Виссарионович Джугашвили.

Обстановка здесь почти не изменилась. Перед окном растёт коренастое ветвистое дерево. В те годы оно было незаметным, не затемняло комнату. В комнате перед большим решетчатым окном все так же стоит столик. Вот здесь составлял Сталин сводки метеорологических наблюдений. Без единой пометки заполнялись листы бюллетеней, под ними ставилась подпись: Джугашвили.

Жил Сталин в небольшой комнатке, выходившей во двор. Тишина, царившая в этом глухом укромном месте, наиболее благоприятствовала конспиративному образу жизни молодого Сталина. Кончалось дежурство – запись научных наблюдений, – и Сталин выходил на улицу. Тихой и мало застроенной была эта часть города. Ее оживляло движение вагонов конки.

Выходя в город, Сталин направлялся в рабочие кварталы, туда, где в назначенный час собирались пролетарии...

(К истории фабрик и заводов Тбилиси. Страницы револю-

ционной борьбы рабочих Тбилиси в 1898–1901 гг. Опубликовано в газ. «Заря Востока» № 36 от 14 февраля 1938 г.)

Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Я вспоминаю, как я на квартире у Стуруа в присутствии Сильвестра Джигладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Михо Бочоришвили, Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое, революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие. Позвольте принести им теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность. (*Аплодисменты.*)

Я вспоминаю далее 1905–1907 гг., когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закаляли меня, как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и другие, с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками – с другой стороны, я впервые узнал, что

значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям. (*Аплодисменты.*)

Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран – товарищем Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих – освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции. Позвольте принести свою искреннюю, товарищескую благодарность моим русским учителям и склонить голову перед памятью моего учителя Ленина. (*Аплодисменты.*)

От звания ученика (Тифлис), через звание подмастерья (Баку), к званию одного из мастеров нашей революции (Ленинград) – вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества.

Такова, товарищи, подлинная картина того, чем я был и

чем я стал, если говорить без преувеличения, по совести.
(Аплодисменты, переходящие в бурную овацию.)

(Из «Ответа товарища Сталина на приветствия». Газета «Заря Востока», Тифлис, 10 июня 1926 года № 1197.)⁸

⁸ «Молодая гвардия». 1939, № 12. С. 71 – 101. 34

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОБА

А. С. АЛЛИЛУЕВА

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

...В конце 1903 года в Баку налаживали подпольную типографию. Тифлисские железнодорожники сделали для типографии печатный станок. Шрифт тоже достали тифлисцы. Перевезти это имущество в Баку поручили отцу и В. А. Шелгунову. В корзине, которую принес дядя Ваня под Новый год, под пивными бутылками спрятали печатный станок. Его хранили среди старой домашней рухляди на бабушкином чердаке до того дня, когда отец с Василием Андреевичем, разделив на две части поклажу, поодиночке ушли из дому.

А накануне отец зашел к одному из товарищей, к Михо Бочоридзе, – в его квартире, в домике у Верийского моста, хранился шрифт. Бабе, родственница Бочоридзе, встретила отца.

– Михо нет дома. Заходи, обождешь! – пригласила она.

Худощавый темноволосый молодой человек показался из соседней комнаты. Бледное лицо с резким изломом бровей, карие испытующе-внимательные глаза кажутся отцу знако-

МЫМИ.

– Познакомьтесь, – говорит Бабе. – Это Сосо.

Сосо! Молодой пропагандист, который занимался с рабочими железнодорожных мастерских. Он вывел на демонстрацию батумских рабочих.

– Очень рад, – говорит отец и пожимает руку молодому товарищу. – Откуда сейчас?

– Издалека! – бросает Сосо.

Скупно и коротко Сосо рассказал о том, как из тюрьмы, где он просидел много месяцев, его выслали в Иркутскую губернию, в село Уда.

– Оттуда решил бежать. Сначала не удалось – стражник не спускал с меня глаз. Потом начались морозы. Выждал немного, достал кое-что из теплых вещей и ушел пешком. Едва не отморозил лицо. Башлык помог. И вот добрался. Сперва в Батум, а потом сюда. Как тут у вас? Что бакинцы делают?

...Отец рассказывает о бакинских делах, о типографии, о поручении, делится сомнениями: удастся ли ему с Шелгуновым благополучно довести тяжелый, громоздкий груз – станок, барабан от него и еще шрифт?

Сосо внимательно слушает.

– А зачем вам везти все сразу? – говорит он. – Станок действительно велик. Разберите его на части и везите отдельно. Сядьте в разные вагоны и не показывайте виду, что едете вместе. А шрифт пусть привезут потом, другие...

Я запомнила рассказ отца о его первой встрече с молодым Сталиным. Это было в начале января 1904 года.

* * *

...В один из первых сентябрьских дней 1911 года в передней продребезжал звонок.

– Открой, Нюра! – крикнула из соседней комнаты мама.

Я пробежала мимо монтерской, где у телефона разговаривал дежурный, и открыла входную дверь.

– А, Сила! Пожалуйста, заходите!

Я шумно обрадовалась нашему взрослому другу Силе Тодрия, но смолкла, увидев за невысоким Силой кого-то, мне незнакомого. В черном пальто, в мягкой шляпе, незнакомец был очень худощав. Когда он вошел в переднюю, я рассмотрела бледное лицо, внимательные карие глаза под густыми, остро изломанными бровями.

– Папа дома? – спросил Сила. – Мы к нему с товарищем.

– Скоро должен вернуться. Входите! Мама в столовой, – пригласила я.

Они оба прошли в комнату, и, здороваясь, Сила сказал маме:

– Познакомься с товарищем – это Сосо!

Я не решилась пройти в столовую, потому что, приглушая голос, Сила о чем-то заговорил, и я поняла – мне не надо присутствовать при разговоре.

Время подходило к обеду, но папа все еще не возвращался. Товарищи оставались в столовой. Сила зашел к нам поболтать, перелистал наши книги, над чем-то посмеялся. Тот, кого он называл Сосо, продолжал читать газеты, лежавшие на столе. Из-за притворенной двери к нам доносился его чуть глуховатый голос, коротко и неторопливо о чем-то спрашивавший Силу.

Папа пришел позже и обрадованно поздоровался с гостями. Он долго пожимал руку Сосо и что-то сказал ему и Силе. И глуховатый голос раскатисто и насмешливо произнес:

– Ну вот... везде вам они мерещатся!

– А посмотрите сами в окно.

Все трое приблизились к открытому окну, выходившему на Саратовскую улицу.

– Ну, что, видите? – продолжал отец. – Меня эти не проведут. Я их сразу приметил, подходя к дому.

Мы невольно прислушались к разговору. Дверь в нашу комнату распахнулась.

– А ну, ребята, – позвал папа, – по очереди выйдите во двор, посмотрите, – ходят там двое таких, в котелках...

Я первая сбегала вниз и сделала несколько шагов в глубину двора. У арки ворот я заметила одного из тех, о ком говорил отец. Второго я увидела на улице, там, куда выходили наши окна. Стараясь как можно удачнее притвориться, что я вышла по делу, я добежала до угловой лавочки и, вернувшись, опять заметила обоих шпииков. Поднявшись в комна-

ты, я обо всем подробно рассказала.

– Придется подождать, – сказал Сосо.

Мы теперь уже знали, что это тот самый Сосо, о котором часто говорили товарищи. Сосо – известный революционер, папа знал его еще в Тифлисе и Баку. Сосо несколько раз арестовывали и ссылали, но он всегда убегал из ссылки. И сейчас бежал из далекого Северного края, и вот его уже опять ищет полиция.

Федя тоже сошел вниз и, вернувшись, повторил, что двое в котелках все еще гуляют у дома.

Наступал вечер, за окном стемнело. В монтерской сменились дежурные, и монтер Забелин зашел в столовую. Дверь в нашу комнату захлопнулась плотнее, и, не смея больше ни о чем расспрашивать, мы уже укладывались спать, когда слова прощальных приветствий, которыми обменялся Сосо с отцом и мамой, донеслись в нашу комнату.

... Через несколько дней Сила опять зашел к нам. Все были дома. Сила был невесел и озабочен.

– Арестовали, – ответил Сила на общий безмолвный вопрос.

Подробно о том, что произошло в эти дни, мы узнали потом от Сталина, из рассказов Силы и папы. Вот как все это было.

Накануне Сталин приехал в Питер. Было хмурое, дождливое утро. Он вышел с Николаевского вокзала и решил побродить по городу. В Питере были друзья, кто-нибудь может

встретиться на улице. Это безопасней, чем искать по адресам.

Под дождем он проходил весь день. Вечером опять вышел на Невский.

Толпа на Невском редела. Гасли огни реклам, реже мчались лихачи, когда он уже третий или четвертый раз от Литейного поднимался к Фонтанке. И только тогда на одном из прохожих остановился его внимательный взгляд. Он пошел следом и чуть слышно произнес приветствие. Сила Тодрия – он возвращался после работы из типографии – едва не вскрикнул, но Сосо сказал:

– Идем, идем. – И вместе они зашагали дальше.

– Очень опасно, – говорил Сталину Сила. – После убийства Столыпина вся полиция на ногах. Ворота и подъезды в двенадцать запирают... Придется будить дворника, показывать паспорт. Хозяева в квартире боятся всего подозрительного.

– Поищем меблированные комнаты... где-нибудь недалеко, – предложил Сталин.

В меблированных комнатах на Гончарной ему отвели номер. Швейцар долго и подозрительно оглядывал его, вертел в руках паспорт, в котором он значился Петром Алексеевичем Чижиковым.

Утром, как они сговорились, Сила уже был у него. Вышли и вместе направились к Сампсониевскому. Они не заметили, что шли не одни. Двое шпииков, которых папа потом увидел

около дома, шли следом.

В этот вечер Сталину удалось ускользнуть от них. Монтер Забелин, с которым он ушел от нас, провел его закоулками к себе в Лесной. Сталин переночевал там, днем сумел повидаться с нужными людьми, а вечером, чтобы не подводить товарищей, пошел опять на Гончарную, в меблированные комнаты. На рассвете его разбудил громкий стук.

– Чего вы спать не даете? – крикнул он.

Но из коридора требовали, чтобы он открыл дверь. Это была полиция. Его арестовали.

Теперь, когда мы знали Сосо, видели и говорили с ним, еще интереснее было слушать о нем рассказы товарищей. А о нем всегда говорили так, что мы понимали – Сосо один из самых главных, самых неустрашимых революционеров. Сила нам рассказывал, что в Батуме, где Сосо вывел рабочих на уличную демонстрацию, его прозвали «Коба», что по-турецки означает «неустрашимый». Это слово – Коба – осталось его кличкой.

– Полиции никогда не удавалось удержать Кобу в ссылке, – говорил Сила Тодрия.

Коба бежал в 1903 году. В 1909 году, летом, опять бежал из Сольвычегодска.

Тогда он опять появился в Питере. Папа рассказывал, что Сосо перед бегством написал ему, спрашивал наш питерский адрес. Папа сейчас же ответил подробно, где нас найти, – мы жили тогда на углу Глазовой и Боровой.

Отправив письмо с нашим адресом, папа знал, что следует ждать приезда Кобы, но прошел месяц, другой, а он не появлялся.

Уже летом, – мы с мамой жили тогда за городом, в деревне, – папа шел по Литейному. Серенький летний питерский день, деловая уличная сутолока, громыхающие трамваи, спешащие куда-то прохожие, – папа шел в толпе, ни на кого не оглядываясь. И вдруг кто-то пересекает ему дорогу. Папа недовольно поднял глаза на прохожего – и не сразу нашел нужные слова. Спокойно, чуть насмешливо улыбаясь, перед ним стоял Сосо.

Они пошли рядом, и Сосо говорил:

– Два раза заходил к вам на квартиру, никого не застал. Подумал, может, встречу на улице, и вот вижу – навстречу шагаешь...

Куда же идти? «Он был бледный, утомленный, – говорил отец. – Я понимал: ему надо дать возможность отдохнуть...»

И сразу отца осенила мысль: «Ямка!» «Ямка» была совсем рядом. Они в несколько минут прошли путь до Колобовского дома. Конон был у себя. Не надо было ничего ему объяснять. Дядя Конон посмотрел на отца, на гостя, которого он привел, и сейчас же стал собирать на стол. Потом Сталина уложили на кровать за ситцевой занавеской и стали совещаться, как быть дальше.

– Лучше бы свести товарища к Кузьме, в кавалергардские казармы, – сказал Конон, – а то ненароком околоточный за-

глянет, пожалуй, усомнится, что товарищ — земляк, со Смоленщины...

Сталина вечером проводили в казармы кавалергардов. Там, во флигелечке вольнонаемных служащих, Кузьма Демьянович занимал две обособленные комнатки. Семейство его было в деревне, в комнатах оставался только родственник, молодой паренек.

В этом флигеле, рядом с казармами, рядом с Таврическим садом, куда то и дело подкатывали пролетки с придворными офицерами, Сталин прожил около двух недель.

Он часто бывал в городе, виделся с товарищами. Под взглядами казарменных часовых он спокойно проходил, прижимая локтем домовую книгу кавалергардских казарм.

Еще об одной встрече с Кобой в Баку в 1907 году рассказывал отец. Коба приехал с Лондонского съезда. Отца тогда арестовали вместе с бакинским комитетом партии. Улик против отца не было, его выпустили на поруки. Это был седьмой арест, и товарищи советовали отцу скрыться от полиции.

В низеньком глиняном татарском домике на Баилове мысе, где у хозяина-тюрка Сталин снимал комнату, отец беседовал с Кобой о своих делах, советовался, как быть. Отец рассказывал, что по приглашению Красина хочет с паспортом товарища Руденко уехать в Питер. Коба спросил, как предполагает отец добраться до Питера, что думает предпринять дальше.

– Ну что ж, – сказал Сталин на прощанье, – надо тебе ехать. Желаю благополучно добраться. – И добавил: – А вот тебе деньги, возьми, они тебе понадобятся.

Отец пытался отказаться, говорил, что деньгами его уже снабдили. Но Сосо твердо и спокойно повторил:

– Бери, у тебя большая семья, дети. Ты должен им помочь!

* * *

...Зима этого года запомнилась мне снежными сугробами, морозами, ледяной санной дорожкой. В феврале, когда наступила Масленица, выехали на улицы украшенные лентами, звенящие колокольчиками и бубенцами низкие финские саночки.

– Садись, прокачу на вейке! – зазывали кучера-финны, взмахивая кнутами.

Коренастые лошадки, потряхивая заплетенными гривами, несли по укатанной дорожке смеющихся седоков.

– А ну, кто хочет прокатиться на вейке? Живо одевайтесь, поедem сейчас же!

Мы все вскочили с радостными восклицаниями. Только что из окна мы любовались пронесившимися мимо санками – и вдруг нам предлагают прокатиться на них. И кто приглашает – Коба, Сосо! В этот приезд свой в Питер он уже не в первый раз заходит к нам. Мы теперь знаем Сосо ближе. Знаем, что он умеет быть простым и веселым и что, обычно

молчаливый и сдержанный, он часто по-молодому смеется и шутит, рассказывает забавные истории. Он любит подмечать смешные черточки у людей и передает их так, что, слушая, люди хохочут.

– Все, все одевайтесь!.. Все поедem, – торопит Сосо.

Я, Федя, Надя, наша работница Феня, – мы все бросаemся к шубам, сбегаем вниз. Сосо подзывает кучера.

– Прокатишь!..

Мы рассаживаемся в санках. Каждое слово вызывает смех. Сосо хохочет с нами: и над тем, как расхваливает заморенную лошадедку наш возница, и над тем, как мы визжим при каждом взлете на сугроб, и над тем, что вот-вот мы вывалимся из санок.

Санки скользят по Сампсониевскому проспекту, проезжают мимо станции, откуда паровичок везет пассажиров в Лесной.

– Стоп! Я здесь сойду. А вы езжайте обратно.

И, выскочив из санок, Сталин торопливо зашагал к остановке паровичка.

...Он пришел к нам в ту зиму вместе с Яковом Михайловичем Свердловым. Оба они бежали из Нарымского края осенью 1912 года.

Дома и в монтерской говорили тогда о выборах в Государственную думу, к которым готовились все партии.

Собираясь у нас, товарищи называли имена кандидатов, обсуждали, кого выставят «наши» и «те». И мы, как все кру-

гом, волновались и переживали газетные сообщения, спорили об исходе кампании.

Многое, конечно, доходило до нас только намеками. Мы могли лишь догадываться, что выборы в Думу большевики используют для агитации среди питерских рабочих, что товарищи выступают тайком на фабриках и заводах.

Помню, утром, – электропункт только что начинал свою деловую жизнь, – два или три раза Сталин заходил к нам. Усталый, он присаживался на диван в столовой.

– Если хотите немного отдохнуть, Сосо, – говорила мама, – прилягте на кровать в угольной комнатке. Здесь, в этом гаме, разве дадут задремать...

В комнатах у нас затихало только поздно вечером. Утром и днем непрерывно толкались люди, приходили монтеры, забегали товарищи. Садись пить чай, спорили, читали вслух газеты.

Крохотная комнатка за кухней в конце коридора была самым тихим и спокойным местом в квартире. Там стояла узенькая железная кровать, и Сталин несколько раз отдыхал на ней. Он приходил после бессонной ночи. Поздно затягивались подпольные сходки в дни думской кампании; ему, «нелегальному», бежавшему из ссылки, приходилось после сходов сбивать со следов полицию, ночи напролет бродить по Питеру. Свердлов был вместе с ним. Путая охранников, они пересекали улицу за улицей, проходили переулками. Если попадался трактир, входили туда. За стаканом чая можно

было сидеть до двух часов ночи. Если, выйдя из трактира, натыкались на городского, изображали подгулявших ночных прохожих. Потом можно было снова набрести на извозчицью чайную и среди кучеров в махорочном чаду дожидаться утра и спокойно добраться до чьей-нибудь квартиры.

Сталина неожиданно арестовали в феврале 1913 года, когда его выдал провокатор Малиновский. Это случилось на благотворительном вечере, который устраивали большевики в здании Калашниковской биржи. О вечере этом у нас говорили много. Рассказывал и Сережа Кавтарадзе, занимавшийся со мной по математике, и Сталин как-то мельком заметил, что вечер должен быть интересным. Во время концерта, когда Сталин присел к товарищам за столик, полицейские подошли и увели его с собой.

Его сослали к Полярному кругу, в Туруханский край. У нас теперь был новый адрес, по которому мы отправляли посылки и деньги из фонда помощи. Сталин вспоминал, как однажды был обрадован в своем одиночестве записочкой, которую неожиданно нашел в кармане пиджака. Мы вложили этот привет от нас, когда отправляли ему зимний костюм.

С отцом он переписывался. Мы читали его письма и видели далекий край, где свирепствует лютая зима. Там, в избе остяков-рыболовов, в деревушке, затерявшейся в унылой бесконечной тундре, он жил.

Но в письмах Сталина не было ни слова о тяжелых условиях. Он просил ничего ему не посылать, не тратить денег:

«Не забывайте, что у вас большая семья», – напоминал он в письме, адресованном отцу. «Всем необходимым я уже за-
пасся», – обычно сообщал он. Вот что он написал однажды:

«25/XI

Для Ольги Евгеньевны

Очень-очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я освобожусь из ссылки и, приехав в Петербург, лично поблагодарю Вас, а также Сергея, за все. Ведь мне остается всего-навсего два года.

Посылку получил. Благодарю. Прошу только об одном – не тратить больше на меня: Вам деньги самим нужны. Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия, – летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, – и я до глупости истосковался по видам природы хотя бы на бумаге.

Мой привет ребятам и девицам. Желая им всего-всего хорошего.

Я живу, как раньше. Чувствую себя хорошо. Здоров вполне, – должно быть, привык к здешней природе. А природа у нас суровая: недели три назад мороз дошел до 45 градусов.

До следующего письма.

Уважающий Вас Иосиф».

Из Курейки он прислал отцу законченную рукопись своего труда по национальному вопросу. Он просил переслать эту рукопись за границу, Ленину, который ждал эту работу.

Вместе с сестрой Надей мы отнесли рукопись Бадаеву, который и отправил ее Владимиру Ильич⁹.

⁹ Аллилуева А. С. Воспоминания. М., 1946. С. 10 – 118.

В. ШВЕЙЦЕР

СТАЛИН В ТУРУХАНСКОЙ ССЫЛКЕ

...От Петербурга до Курейки – путь долгий и изнурительный. Везли в арестантских вагонах, по месяцам задерживались в переполненных этапных тюрьмах, потом бесконечно долго ехали по реке. Сталина везли по реке Енисею в небольшой лодке. Только подумать, в лодке нужно было проехать больше двух тысяч километров по бурному, стремительному Енисею. На пути встречались водовороты и пороги. Больше месяца длилось это опасное путешествие по Енисею, пока, наконец, не добрались до села Монастырского.

Село Монастырское было центром Туруханского края. По тому времени Монастырское считалось большим культурным селом в этом диком и пустынном месте. Здесь была школа, церковь, полицейские власти. Здесь жил пристав. Сюда обычно высылали политических ссыльных.

Но село Монастырское показалось царскому правительству недостаточно глухим местом. Правительство боялось, что Сталин сможет еще раз убежать. В департаменте полиции он числился «бегуном», потому что редко оставался в ссылке больше двух-трех месяцев. На этот раз, чтобы отрезать Сталину все пути к побегу, его заслали сначала в посе-

лок Костино, а в начале 1914 года переправили в Курейку.

Курейка – маленький поселок, затерявшийся где-то далеко за Полярным кругом в беспредельной туруханской пустыне. Это самое северное поселение Туруханского края. Про Курейку можно было без преувеличения сказать, что она находится на краю земли. Зима длится здесь 8–9 месяцев, и зимняя ночь тянется круглые сутки. Здесь никогда не произрастали хлеба и овощи. Тундра и леса были переполнены дикими зверями. Человек при 65-градусном морозе ютился в юрте. Простая теплая избушка являлась уже привилегией более счастливых людей. И вот сюда, в глушь Туруханского края, в маленькую заброшенную Курейку, выслали Сталина.

В Курейку Сталина переводили вместе с Яковом Свердловым. В одном из писем к сестре Яков писал:

«Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 100 верст севернее, севернее Полярного круга на 80 верст. Надзор усилили, от почты оторвали; последняя – раз в месяц через «ходока», который часто запаздывает. Практически не более 8–9 почт в год...»

...Полиция все время была настороже. Когда Сталин и Свердлов были сосланы в Туруханск, полиция сразу же приняла меры к тому, чтобы предупредить возможность их побега.

25 августа 1913 года исполняющий обязанности вице-директора департамента полиции посылает на имя начальника Енисейского губернского жандармского управления спеш-

ное распоряжение:

«Ввиду возможности побега из ссылки в целях возвращения к прежней партийной деятельности упомянутых в записках от 18 июня сего года за № 57912 и 18 апреля сего года за № 55590 Иосифа Виссарионовича Джугашвили и Якова Мовшева Свердлова, высланных в Туруханский край под гласный надзор полиции, департамент полиции просит Ваше высокоблагородие принять меры к воспрепятствованию Джугашвили и Свердлову побега из ссылки».

О каждом шаге Сталина и Свердлова доносится в жандармское управление.

...Сталин и Свердлов пробыли в Курейке вместе больше года, но в конце 1914 года Свердлов был переведен из Курейки сначала в небольшой поселок Селиваниху, а позднее – в село Монастырское.

...Условия Туруханского края для побега были невероятно тяжелыми. Три месяца в году длилась томительная распутица. Во время короткого полярного лета в Курейку успевал заходить всего лишь один енисейский пароход. Три месяца в году Курейка была совершенно оторвана от жизни; обрывалась всякая связь.

Все движение шло только по Енисею, и никаких других дорог не было. Последний пароход из Енисейска выходил 1 августа. Но он не доходил до Курейки, а останавливался на зимовку в Монастырском. Осенью приходилось ждать санного пути, передвигаться можно было только на собаках и

олениях в легких нартах. Снегу наваливало почти в рост человека. Весной, когда начал рыхлеть снег и таял лед Енисея, даже и легкая снасть в упряжке собак не помогала. Сани и собаки проваливались в снег. Движение прекращалось.

Тайком от стражников, зимой, мы вместе с Суреном Спандарьяном поехали в Курейку к Сталину. Нужно было разрешить ряд вопросов, связанных с происходившим тогда судом над думской фракцией большевиков и с внутрипартийными делами.

Это были дни, слитые с ночами в одну бесконечную полярную ночь, пронизанную жестокими морозами. Мы мчались на собаках по Енисею без остановки через безлюдное пространство, отделявшее село Монастырское от Курейки пролетом в 200 километров. Мчались под несмолкаемый вой волков.

Вот и Курейка. На берегу, там, где маленькая изломанная порогами быстрая речка Курейка впадала в бурный полноводный Енисей, разбросано было несколько деревянных домишек, стоявших далеко друг от друга. У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесенный снегом. Здесь жил Сталин. Мы подъезжали. Собаки, заведя впереди жилье, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. Навстречу нам вышел Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего домика лениво вышел стражник,

медленно и важно подошел к нам...

У нас с Иосифом была радостная, теплая встреча. Нашему неожиданному приезду Иосиф был необычайно рад. Он проявил большую заботу о нас. Мы зашли в дом. Небольшая квадратная комната, в одном углу – деревянный топчан, аккуратно покрытый тонким одеялом, напротив рыболовные и охотничьи снасти – сети, оселки, крючки. Все это изготовил сам Сталин. Недалеко от окна продолговатый стол, заваленный книгами, над столом висит керосиновая лампа. Посредине комнаты небольшая печка-«буржуйка», с железной трубой, выходящей в сени. В комнате тепло; заботливый хозяин заготовил на зиму много дров. Мы не успели снять с себя теплую полярную одежду, как Иосиф куда-то исчез. Прошло несколько минут, и он снова появился. Иосиф шел от реки и на плечах нес огромного осетра. Сурен поспешил ему навстречу, и они внесли в дом трехпудовую живую рыбу.

– В моей проруби маленькая рыба не ловится, – шутил Сталин, любуясь красавцем-осетром.

Оказывается, этот опытный «рыболов» всегда держал в Енисее свой «самолов» (веревка с большим крючком для ловли рыбы). Осетр еле помещался на столе. Сурен и я держали его, а Иосиф ловко потрошил огромную рыбу. За столом завязался разговор.

– Что слышно из России, какие новости? – расспрашивал Сталин.

Сурен рассказывал все, что знал о войне, о работе под-

полных организаций, о связи с заграницей. Особенно долго шел разговор о войне.

Когда Сурен рассказывал подробности о суде над думской фракцией и о предательстве Каменева, Сталин ответил Сурену:

– Этому человеку нельзя доверять – Каменев способен предать революцию.

Беседа длилась долго. Шел разговор о Серго Орджоникидзе, который находился в то время в Шлиссельбургской крепости, об Иннокентии Дубровинском, утонувшем в Енисее, и о других товарищах. Беседа длилась долго-долго...

Я рассматривала комнату, в которой жил Иосиф. В самой обстановке комнаты чувствовалось, как напряженно он работал. Стол был завален книгами и большими пачками газет.

Нам предстояло преодолеть снежную пустыню. Выехали из Курейки. Я села управлять собаками. Наши нарты были окутаны брезентом. Это спасло нас от жестокого холода в пустынной тундре.

Мы мчались вверх по Енисею. Морозно. Казалось, морозом скован воздух. Трудно дышать. Недалеко над нами вспыхнуло северное сияние, озарившее нам путь.

Тундра была покрыта снегом. Кое-где маячили верхушки занесенных снегом деревьев. Мы преодолеваем пространство. Мои спутники ведут себя весело и шумно. О чем-то громко разговаривают. Вдруг неожиданно Сталин затягивает песню. Сурен вторит. Радостно слышать знакомые мело-

дии песен, уносящихся вдаль и утопающих где-то в беспрельной снежной равнине. Хорошо в эти минуты мечтать, вспоминать, думать.

На просторе льются песни. Одна сменяет другую. Друзья очень любили петь. Сталин был любитель народных песен. Я была свидетелем, как он, занимаясь хозяйством, подолгу напевал русские народные частушки.

Мы ехали двое суток. Останавливались для того, чтобы отогреться, дать отдохнуть собакам, покормить их. Отдыхая, мы ели заготовленную на дорогу рыбу. Так, почти незаметно, преодолели мы далекий путь и приехали к себе в Монастырское.

...В октябре 1916 года царское правительство решило призвать всех административно-ссылных отбывать воинскую повинность.

По рассказам Сталина, эта мобилизация была объявлена неожиданно. Особенно не ожидал этого пристав Туруханского края – Кибиров. В первый момент он растерялся, не зная, что делать, но все же быстро составил первую партию из девяти ссылных для отправки в Красноярск. Сталина он решил отправить с отдельным стражником, считая это более надежным. Отправить призываемых было нелегко. В полярной Курейке в конце октября и начале ноября зимний путь только начинает устанавливаться, и единственной дорогой в такое время года был тогда Енисей. По тонкому льду Енисея можно было на собаках, впряженных в легкие нарты, тро-

нуться в путь. Правда, при этом нередко бывали и такие случаи, что полозья нарты прорезали лед и собаки, удерживаясь на льду, волокли нарту по воде, как лодку, а в ней насквозь промокшего седока.

Партия ссыльных начала свой путь «призывников со стражником» на собаках, потом на оленях и, наконец, на лошадах.

В пути от Курейки до Красноярска Сталин умышленно старался задерживаться на каждом станке. Нужно было познакомиться с ссыльными, получить явку – связь с организациями и с отдельными товарищами, работающими на воле и в армии. Все это делалось замаскировано, под видом веселых встреч и проводов призывников, с песнями и пляской.

Так шли дни за днями. Призывники в дороге пробыли два месяца. Пристав Кибиров слал вдогонку телеграмму за телеграммой: «Не задерживайте, переправляйте в Красноярск ссыльных призывников». На пристава нажимали из Красноярска. Боясь ответственности и желая скрыть замедленное продвижение призывников, пристав показал в своем рапорте отправку ссыльных из Туруханки на месяц позже. Ссыльные чувствовали себя почти «на свободе» и не подчинялись местным урядникам, которые уговаривали «партию» быстрее передвигаться. Особенно их пугало то, что задерживается Сталин. А Сталин спокойно продолжал затягивать это путешествие.

Наконец туруханские призывники – Сталин, Борис Ива-

нов и другие – в конце декабря 1916 года прибыли в Красноярск. Сталин остановился на явочной квартире у Ивана Ивановича Самойлова. Царские чиновники хотели отправить Сталина в армию, на войну, но не решились, – они боялись его влияния, его революционной работы среди солдат. В то же время вернуть Сталина обратно в Туруханский край было трудно, весенняя распутица могла застать его на обратном пути, и, кроме того, у Сталина через несколько месяцев кончался срок ссылки.

Как только Сталин приехал в Красноярск, он вызвал меня из Ачинска – ему нужно было установить связь с местными большевиками, с большевистской организацией. В то время в Красноярске уже существовала военная организация, которая работала в армии, печатала и распространяла революционные листовки среди солдат.

Красноярский губернатор направил Сталина отбывать оставшийся срок ссылки в Ачинск, где Сталин и прожил до 8 марта 1917 года.

Надвинулись февральские события. Первые вести о падении царизма докатились до нас 3 марта по старому стилю.

Сталин поспешил с отъездом. 8 марта он вместе с группой ссыльных в экспрессе выехал из Сибири. По пути Сталин послал Ленину за границу приветственную телеграмму, в которой сообщал о своем выезде в Петроград. По дороге на каждой станции возвращавшихся из ссылки революционеров встречали толпы народа со знаменами.

12 марта (старого стиля) Сталин приехал в Петроград и тут же направился в Таврический дворец, где происходили тогда митинги солдат...¹⁰

¹⁰ *Швейцер В.* Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщицы. М., 1940. С. 9—47.

ЯКОВ СВЕРДЛОВ СТАЛИН В ССЫЛКЕ

В письме от 22 марта 1914 года к Л. И. Бессер «из заполярных краев» Яков Свердлов так описывает обстановку в Курейке: «Устроился я на новом месте значительно хуже. Одно то уже, что я живу не один в комнате. Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с кот[орым] мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев. Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного хода. У хозяев – ребята. Естественно, торчат часами у нас. Иногда мешают»¹¹

¹¹ Городецкий В., Шаратов Ю. Свердлов М. ЖЗЛ., 1971. С. 97–98.

А. С. АЛЛИЛУЕВА

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

...Первые мартовские вечера всегда, казалось мне, преображали знакомые улицы столицы. Эту сумеречную необычность широких проспектов Санкт-Петербурга – мы называли его теперь Петроградом – я ощутила особенно остро весной 1917 года.

Обновленным, молодым, по-иному красивым представал предо мной Петроград.

Шагая вечерами, после занятий, домой, я жадно подмечала каждую подробность весенней жизни города. Милиционер в студенческой фуражке неловко и непривычно переминается на посту, поднимая руку с красной повязкой на рукаве. Грузовик останавливается на углу, окруженный толпой молодежи. «Митинг», – думаю я. Остановиться, послушать? Нет! Я бегу дальше. Нельзя задерживаться: дома сейчас собирается семья. Скоро вернется отец: мы редко видим теперь его дома: в завкоме и по электростанции у него много дела. А мама вернется тоже поздно. Хозяйство, заботы о быте лежат на мне. Я прибавляю шаг. Я тороплюсь к паровичку.

Пыхтя и громяхая, подкатывают к остановке двухэтажные вагончики. Я взбираюсь наверх. Паровичок, собравшись с силами, устремляется вперед, пробегает Старо-Невский и мчит нас к набережной. Нева здесь угрюмая. Ей точно скуч-

но после дворцов и парадных особняков омывать унылые домишки заставы. Я соскакиваю с поезда там, где Нева подбегает к корпусам Торнтоновской фабрики. Напротив поднимаются три этажа нашего дома. Там пункт кабельной сети, которым заведует отец. Я вбегаю в подъезд. В радостной приподнятости (она не покидает меня с первых дней революции) вхожу домой. Кто-то из товарищей монтеров открывает дверь.

– Наши дома? – спрашиваю я и оглядываюсь, висят ли в передней знакомые пальто.

Но мужское черное драповое пальто на вешалке мне незнакомо. И на столике чей-то длинный теплый полосатый шарф.

– Кто у нас? – спрашиваю я монтера.

– Вернулся Сталин... – отвечает он. – Из ссылки... Только приехал.

Сталин! Иосиф! Вернулся! Уже в Петрограде! Да, да: он ведь писал отцу с дороги. Мы ждали его. И все-таки эта весть поражает меня. Быстро распахиваю дверь. В комнате, у стола, стоит наш гость. Я помню: он не любит долго сидеть и, даже рассказывая что-нибудь, шагает по комнате. Движения его при этом спокойны и уравновешенны. И сейчас вот, увидев меня, он неторопливо делает шаг в мою сторону.

– А!... Здравствуйте! – говорит Иосиф.

Я не видела его четыре года. Четыре года, которые он провел в ссылке, в тяжком, суровом одиночестве. Да, конечно,

он изменился. Я хочу уловить: в чем же то новое, что я замечаю в нем? В одежде? Нет. Он в таком же темном, обычном для него костюме, в синей косоворотке. Странными, пожалуй, кажутся мне его валенки. Он не носил их раньше. Нет, изменилось его лицо. И не только потому, что он осунулся и похудел, – это, должно быть, от усталости. Он так же выбрит, и такие же, как и раньше, недлинные у него усы. Он так же худощав, как прежде. Но лицо его стало старше – да, да, значительно старше! А глаза – те же. Та же насмешливая, не уходящая из них улыбка.

– Как вы нас отыскиали? – нахожу я наконец слова. – Вот уж не думала увидеть вас сегодня.

Иосиф вынимает изо рта свою трубку, – трубку, без которой с тех пор я не могу его представить.

– Видите, отыскал. Попал, конечно, туда, на старый адрес, на Выборгскую... Там сказали... И куда вас в эту даль занесло? Ехал на паровике, ехал, ехал, думал – не доеду.

– Да, мы недавно здесь. Думаем переезжать. А давно ли вы тут у нас? Папа скоро вернется и мама тоже, – бросаю я слова, досадуя, что вот наконец-то из такого далека приехал долгожданный человек – и никто его не встретил, не принял, как надо.

– Да час, пожалуй, с лишним. Ну, как вы здесь все? Что Ольга, Сергей? Где Павел, Федя? Где сестра?

Я тороплюсь объяснить, что Павел на фронте и писем от него давно уже нет. Федя, наверное, где-то задержался. А На-

для сейчас придет – она на уроке музыки.

И, спохватившись, я вспоминаю о своих хозяйских обязанностях:

– Вы, наверное, голодны. Хотите поесть? Я сейчас приготовлю.

– Не откажусь... От чаю не откажусь...

Я выбегаю из комнаты – скорее на кухню: успеть бы управиться. В передней сталкиваюсь с отцом.

– Иосиф приехал... – бросаю я на ходу.

Отец торопливо шагает в столовую. Я слышу взволнованные восклицания, вопросы. Папин голос радостно гудит.

Самовар только что разожжен, когда в кухне появляется Надя.

– Кто это у нас? – спрашивает она с любопытством. Она даже не успела снять свою шапочку и пальто.

– Иосиф приехал... Сталин...

– А!.. Иосиф!..

Надя сбрасывает пальтишко и идет в столовую. Когда я вновь появляюсь, чтобы накрыть на стол, в столовой уже оживленно и шумно. Отец, мама, Надя, Федя окружили Иосифа. Смех, взрывы смеха... Сталин в лицах изображает встречи на провинциальных вокзалах, которые присяжные, доморощенные ораторы устраивали возвращающимся из ссылки товарищам. Иосиф копирует очень удачно. Так и видишь захлебывающихся от выпретенных слов говорильщиков, бьющих себя в грудь, повторяющих: «Святая револю-

ция, долгожданная, родная... пришла наконец-то...» Очень смешно изображает их Иосиф. Я хохочу вместе со всеми.

– Кормите же скорее гостя, – торопит нас отец.

Мы хлопочем вдвоем с Надей. И скоро на столе дымятся сосиски, которые, к нашей величайшей радости, нашлись в шкафу.

Долго мы сидим, слушаем гостя.

Сталин рассказывает, как торопился он в Питер из Ачинска, где застали его события 17 февраля. Он приехал в Петроград одним из первых. Конечно, если бы он ехал из Курейки, то был бы в пути дольше. С группой ссыльных он на экспрессе доехал из Ачинска в Петроград за четыре дня.

Сталин рассказывал, как попал он в Ачинск. В октябре 1916 года ссыльных призывали в армию. Из Туруханского края ссыльных-призывников и с ними Иосифа Виссарионовича отправили в Красноярск. Добирались туда на собаках, на оленях, пешком. На пути останавливались, встречались с сосланными товарищами, а чтобы не вызывать подозрения, устраивали гулянки: мобилизованные, дескать, кутят – прощаются перед уходом в армию.

Но для армии Сталина забраковали.

– Сочли, что я буду там нежелательным элементом, – говорил он нам, – а потом придрались к руке.

Левая рука Сталина плохо сгибалась в локте. Он повредил ее в детстве. От ушиба на руке началось нагноение, а так как лечить мальчика было некому, то оно перешло в заражение

крови. Сталин был при смерти.

– Не знаю, что меня спасло тогда: здоровый организм или мазь деревенской знахарки, – но я выздоровел, – вспоминал он.

Но след от ушиба на руке остался навсегда, к этому-то и придрались красноярские чиновники. Отбывать оставшийся срок ссылки они послали Сталина в Ачинск.

Мы просим Сталина рассказать о ссылке, о крае, где провел он столько лет. И он говорит: о севере, о тундре, о бесконечных снежных далях, о замерзших реках, где у проруби просиживают часами низкорослые добродушные люди. Он жил в их простой избе. Он заслужил их доверие, и они полюбили его.

– ...Они звали меня Осипом и научили ловить рыбу. Случилось так, что я стал приносить добычи больше, чем они. Тогда, замечаю – хозяева мои шепчутся. И однажды говорят: «Осип, ты слово знаешь!» Я готов был расхохотаться. Слово! Они выбирали место для ловли и не уходили, – все равно, шла рыба или нет. А я выйду на ловлю, ищу места: рыба идет – сижу, нет ее – ищу другое место. Так – пока не добыюсь улова. Это я им и сказал. Кажется, они не поверили. Они думали, что тайна осталась при мне.

Он вспоминал северные реки: Енисей, Курейку, Тунгуску, волны которых текут, сливаясь с небом, спокойным и задумчивым, молчаливым небом севера. Но яростны и неукротимы волны северных рек, когда они поднимаются на человека.

– Случалось, что буря заставляла меня на реке. Один раз показалось, что все уже кончено. Но добрался до берега! Не верилось, что выберусь, – очень уж разыгралась тогда река.

Потом Иосиф Виссарионович начинает расспрашивать нас о пережитом. Ему интересны все наши рассказы.

Самовар давно потух, а мы все сидим и слушаем гостя.

– А когда вам завтра вставать? – спрашивает Иосиф. – Мне надо завтра рано утром быть в редакции «Правды».

– И мы встанем рано. Нам тоже надо в город... Мы разбудим вас, – обещаем мы.

Сталина укладывают спать в столовой, там же, где спит папа, на второй кушетке. Мы уходим в комнату рядом – это наша общая спальня: моя, мамы и Нади.

Но спать нам не хочется. Мы с Надей болтаем, шепчемся, вновь и вновь вспоминаем. Неожиданно Надя повторяет слова вокзальных ораторов, которым так удачно подражал Сталин. Это до того смешно, что мы не можем удержаться и фыркаем в подушки. Мы знаем, что за стеной ложатся спать, но чем больше мы стараемся удержать смех, тем громче наши голоса. И вдруг стук в стенку. Это отец.

– Да замолчите вы наконец, егозы этикие! Спать пора!

Восклицание отца покрывает голос Иосифа:

– Не трогай их, Сергей! Молодежь... пусть смеются...

И только тогда, притворившись, что мы и в самом деле пристыжены, мы замолкаем.

Но рядом в комнате еще слышны голоса. Сталин беседует

с отцом о делах электростанции, о районах, с которыми связан папа. Отец делится своими сомнениями, рассказывает о своих успехах:

– В завкоме много меньшевиков и эсеров, приходится здорово воевать...

– Как, рабочие читают «Правду»? – спрашивает Сталин.

– «Правда» идет нарасхват, – говорит отец. – Не хватает экземпляров...

Мы уже засыпаем, но все еще слышим густой отцовский голос, прерываемый короткими, отрывистыми репликами Сталина.

Нам не приходится утром будить гостя. Он просыпается раньше нас. Мы усаживаемся за стол и торопливо пьем чай. По рукам ходят свежие газеты. Утро приносит вести о том, что творится там, за стенами дома, там, куда сейчас уйдет Иосиф, куда уходит отец и куда готовимся уйти и мы.

– Скорей, скорей, – торопит нас Иосиф Виссарионович.

Опять старомодный запыхавшийся паровичок бежит к остановке. Вчетвером – Иосиф, Федя, Надя и я – мы взбираемся на крышу двухэтажного вагончика.

– Куда, собственно, вы собрались? – допытывается Иосиф Виссарионович. – Сегодня воскресенье...

Мы объясняем Сталину, что собираемся переезжать с Невской заставы, где так далеко от города, и едем искать новую квартиру. На одной из Рождественок сдается, кажется, совсем подходящая.

– Ну, вот и хорошо, – довольно замечает Иосиф. – Вот и хорошо. Только вы обязательно в новой квартире оставьте комнату для меня. Слышите, обязательно оставьте...

С этими словами он вместе с Федей покидает нас. И еще раз, кивая нам на прощанье, повторяет:

– Так смотрите же, обязательно. И для меня комнату! Не забудьте...

...Комната Иосифа Виссарионовича на Рождественке наконец дождалась хозяина.

После отъезда Ильича Сталин зашел к нам. Заговорили о переезде его в нашу квартиру.

– Очень бы хотелось перебраться к вам, – сказал Иосиф Виссарионович. – Но думаю, что сейчас не стоит. За квартирой могут начать слежку. Из-за меня могут быть неприятности у вас.

– О нас, Иосиф, не беспокойтесь. Мы к слежкам привыкли, – ответила на это мама. – Вашему присутствию в квартире я буду только рада, но если для вас это опасно, лучше, конечно, переждать.

Но когда Иосиф Виссарионович через недельку зашел снова, мама решительно заявила:

– Слежки за домом как будто нет. Переселяйтесь к нам. Сможете отдохнуть, выспаться, жить более нормально.

Так Иосиф Виссарионович остался у нас.

В день переезда к нам Сталин казался озабоченнее обычного. Пришел он поздно вечером. После чая сейчас же ушел

к себе, и, засыпая, мы слышали, как он неторопливо шагал в своей комнате. Заснул он, вероятно, много позже, – свет в его комнате долго не гас. Утром он вышел в столовую, когда мы все уже сидели за завтраком. Придвинув к себе стакан чая, он улыбнулся:

– Ну, выспался, как давно не удавалось. – Потом, точно вспомнив что-то, обратился к маме: – Вы не беспокойтесь, если день или два не приду ночевать. Буду занят, да и не мешает соблюдать осторожность.

Он и в самом деле не ночевал у нас несколько дней. Иногда под вечер, иногда рано утром он забегал, чтобы переодеться, выпить стакан чая или на полчаса вздремнуть у себя в комнате.

Переезд Сталина к нам совпал с открытием VI съезда партии, проходившего полулегально. Агенты Керенского выслеживали участников съезда, особенно старательно подстерегая членов ЦК. Сталину, делавшему на съезде доклад, приходилось быть все время настороже. Поэтому-то не приходил он ночевать в эти дни и только забегал, вырывая для короткого отдыха неурочное время.

Все его вещи были в небольшой плетеной корзинке, которую он привез еще из ссылки. В ней были его рукописи, книги, что-то из одежды. Костюм у него был один, давнишний, очень потертый. Мама однажды взялась починить его пиджак и после тщательного осмотра заявила:

– Нельзя вам больше, Иосиф, ходить в таком обтрепанном

костюме. Обязательно нужен новый.

– Знаю, все знаю, Ольга. Времени только нет этим заняться. Вот если бы вы помогли...

Мама вместе с тетей Маней обошли магазины и раздобыли Иосифу Виссарионовичу костюм, который вполне пришелся ему по размеру. Сталин остался доволен и только попросил маму сделать ему под пиджак теплые вставки. У него болело тогда горло, да и не любил он носить воротнички с галстуком. Мастерница на все руки, тетя Маня сшила Иосифу Виссарионовичу две черные бархатные, с высоким воротом, вставки. Он носил их.

В комнатах на Рождественке становилось оживленней и шумней.

Вернулся Федя. К началу занятий приехала из Москвы Надя.

Она расспрашивает меня и сама торопится поделиться со мной всем, что слышала и видела.

– Ленин! Ленин был у нас! Счастливая, ты видела Ленина! – восклицает она и вдруг смеется. – Ты подумай, как удивительно. И там, на даче, тоже разделились на два лагеря. Те, что были не с нами, придумывали всякие басни о большевиках, о Ленине. А чтобы оскорбить меня, мне вслед кричали: «Ишь ты, какая... большевичка! Недаром твой отец из тех, кто скрывает Ленина...»

Она шумно обрадовалась пианино, проиграла на нем любимые вещи и, усталая от дороги, улеглась спать.

Надя любила хозяйничать, любила в доме образцовый порядок.

На другой день приезда спозаранок она взялась за работу. Передвинула все вещи, заново убрала все в столовой и спальне.

На шум переставляемой мебели выглянул Сталин.

– Что это тут творится? – удивился он. – Что за кутерьма? – И увидел Надю в фартуке, со щеткой. – А, это вы! Ну, сразу видно – настоящая хозяйка за дело взялась!

– А что! Разве плохо? – встала в оборонительную позу Надя.

– Да нет! Очень хорошо! Наводите порядок, наводите... Покажите им всем...

С утра, выпив с нами чаю, Иосиф Виссарионович уходил на весь день. Не каждую ночь удавалось ему вернуться домой, к себе в комнату. Часто и папа не ночевал дома. Вечерами в столовой мы с Надей подолгу поджидали их обоих.

Я теперь работала в Смольном. Мы знали – силы большевиков прибывают. Вернувшись к вечеру домой, я говорила об этом с Надей. Она нетерпеливо расспрашивала:

– Кто выступал сегодня? Кого ты слышала, о чем говорят товарищи?

Надя еще училась, но все в гимназии было ей чуждо, неинтересно и далеко. Не в классах, где гимназистки повторяли сплетни о большевиках, были ее мысли. Давно переросла она восторженных поклонниц «душки» Керенского и знала, что

переубеждать их бессмысленно. Большинство гимназисток рассуждали, вероятно, повторяя слышанное дома:

– Большевики! Ужас, ужас! Чего они хотят?! Все уничтожить!

Что они знали о большевиках, о том, за что борются большевики! Но громко говорить об этом еще нельзя. Не следовало привлекать внимание к себе, к дому, где бывали те, за кем охотились враги. Но убеждений своих Надя не скрывала.

– Ну вот, окончательно прослыла большевичкой, – сообщила она как-то. И рассказала: – Понимаешь, гимназистки вздумали собирать пожертвования. Для каких-то обиженных чиновников... Пришли к нам, обходят всех. Все что-то дают, жертвуют!.. Подходят ко мне. А я громко, чтобы все слышали, говорю: «Я не жертвую». Они, конечно, всполошились. «Как не жертвуешь? У тебя, наверное, денег с собою нет, ты, наверное, дома забыла». Я повторяю: «Нет, деньги у меня есть... Но я на чиновников не жертвую...» Тут-то и поднялось. Все в один голос: «Да она большевичка! Конечно, большевичка...» Ну, а я очень довольна... Пусть знают.

Я не всегда могла удовлетворить законное Надино любопытство. За будничной канцелярской работой в одном из отделов Смольного трудно было мне ухватить все славное, что совершалось вокруг. Тем нетерпеливей поджидали мы обе возвращения своих. Мы торопились узнать правду о новом, сегодняшнем.

О заводах Выборгской, Васильевского, Невской заставы

рассказывал отец. Все уверенней говорил он о том, как возрастает влияние и авторитет рабочих-большевиков. Подробно о заводских событиях расспрашивал отца Иосиф Виссарионович. Он вникал во все, советовал отцу, как поступать дальше, говорил, какими словами надо вернее бить маловеров, колеблющихся.

Мы слушали беседы Сталина. Огромное совершаемое большевиками дело становилось осязательней, понятней.

Иногда Сталин не появлялся несколько дней. Мы поджидали его и долго не укладывались спать. Бывало так, что, когда мы уже теряли надежду и ложились в постели, в дверь к нам неожиданно стучал кто-то.

– Неужели спите? – слышали мы голос Сталина. – Поднимайтесь! Эй вы, сони! Я тарани принес, хлеба...

Мы вскакивали и, накинув платья, бежали в кухню готовить чай. Часто, чтобы не будить спавших в столовой отца и маму, мы собирались в комнате Иосифа. И сразу становилось шумно и весело. Сталин шутил. Карикатурно, иногда зло, иногда добродушно, он изображал тех, с кем сегодня встречался. В доме мишенью для его незлобивых шуток была молоденькая, только что приехавшая из деревни девушка. Ее звали Паня. Она по-северному окала и часто повторяла:

– Мы-то... скопские мы!..

– Скопские, – смеясь и напирая на «о», поддразнивал девушку Сталин. – Отчего же это вы такие, скопские? А ну, расскажи!

Паня поднимала фартук к лицу и фыркала.

– Да уж какой ты, эдакий, все смеешься! – И под общий хохот повторяла: – Конечно же, скопские мы.

Он любил давать клички людям. Были у него свои шуточные любимые прозвища. Если он был в особенно хорошем настроении, то разговор с нами он пересыпал обращением: «Епифаны-Митрофаны».

– Ну как, Епифаны? Что слышно? – спрашивал он. Добродушно вышучивая кого-нибудь из нас или журуя за неточно выполненное поручение, за какую-нибудь оплошность, он повторял: «Эх, Митрофаны вы, Митрофаны!»

Было у него еще словечко: «Тишка». Он рассказывал, что дал такую кличку собаке, которую приручил в ссылке. Любил вспоминать об этом псе.

– Был он моим собеседником, – говорил Сталин. – Сидишь зимними вечерами, – если есть керосин в лампе, – пишешь или читаешь, а Тишка прибежит с мороза, уляжется, жметя к ногам, урчит, точно разговаривает. Нагнешься, потреплешь его за уши, спросишь: «Что, Тишка, замерз, набегался? Ну, грейся, грейся!»

Рассказывал он, как в длинные полярные вечера посещали его приятели-остяки.

– Один приходил чаще других. Усядется на корточки и глядит не мигая на мою лампу-молнию. Точно притягивал его этот свет. Не проронив ни слова, он мог просидеть на полу весь вечер. Время от времени я давал ему пососать мою

трубку. Это было для него большой радостью. Мы вместе ужинали мороженой рыбой. Я тут же строгал ее. Голову и хвост получал Тишка.

Рыбу Сталин, как уже было сказано, сам добывал, запасая ее с теплых дней. Но и зимой приходилось пополнять запасы. В прорубях устанавливали снасти, вешками отмечая путь к ним. Однажды зимой он с рыбаками отправился проверить улов. Путь был не близкий – за несколько километров. На реке разделились. Сталин пошел к своим снастям. Улов был богатый, и, перекинув через плечо тяжелую связку рыбы, Сталин двинулся в обратный путь. Неожиданно завьюжило. Начиналась пурга. Мгла полярной ночи становилась непроницаемой. Крепчал мороз. Ветер хлестал в лицо, сбивал с ног. Связка замерзшей рыбы тяжелее давила на плечи, но Сталин не бросал ношу. Расстаться с ней – значило обречь себя на голод. Не останавливаясь, борясь с ветром, Сталин шел вперед. Вешек не было видно – их давно замело снегом. Сталин шел, но жилье не приближалось. Неужели сбился с пути?

И вдруг, совсем рядом, показались тени, слышались голоса.

– Го-го-го! – закричал он. – Подождите!..

Но тени метнулись в сторону и исчезли. Голоса смолкли. В шуме вьюги он только слышал, как ударялись друг о друга замерзшие рыбы за его плечами. Теряя силы, он все же продолжал идти вперед. Остановиться – значило погибнуть.

Пурга все бушевала, но он упрямо боролся с ней. И когда, казалось, — надеяться уже не на что, послышался лай собак. Запахло дымом. Жилье! Ощупью добрался он до первой избы и, ввалившись в нее, без сил опустился на лавку. Хозяева поднялись при его появлении.

— Осип, ты? — Они в страхе жались к стене.

— Конечно, я. Не лешак же!

— А мы встретили тебя и подумали — водяной идет. Испугались и убежали...

И вдруг на пол что-то грохнуло. Это отвалилась ледяная корка, покрывавшая лицо Сталина. Так вот почему шарахнулись рыбаки там, по пути. Обвешанный сосульками, в ледяной коре, он показался им водяным. Да еще рыба, звеневшая за его плечами! Он не мог удержать смеха, глядя на остяков, смущенно окружавших его.

— Я проспал тогда восемнадцать часов подряд, — вспоминал он, рассказывая о пурге.

Иногда во время вечерних чаепитий в его комнате Сталин подходил к вертящейся этажерке у кровати и доставал томик Чехова.

— А хорошо бы почитать. Хотите, прочту «Хамелеона»?

«Хамелеон», «Унтер Пришибеев» и другие рассказы Чехова он очень любил. Он читал, подчеркивая неповторимо смешные реплики действующих лиц «Хамелеона». Все мы громко хохотали и просили почитать еще. Он читал нам часто из Пушкина и из Горького. Очень любил и почти на-

изусть знал он чеховскую «Душечку».

– Ну, эта-то! Настоящая «Душечка», – часто определял он чеховским эпитетом кого-нибудь из знакомых.

Рассказывая о самых больших, серьезных событиях, он умел передать, подчеркнуть их смешную сторону. Его юмор точно и ярко показывал людей и события. Помню, как повторяли у нас дома его рассказ о заседании ЦК, на котором обсуждался вопрос о том, садиться ли Ленину под арест. Сталин изображал, как темпераментный Серго Орджоникидзе, хватаясь за несуществующий кинжал, восклицал:

– Кинжалом того колоть буду, кто хочет, чтобы Ильича арестовали!

Приятельски ровно умел обходиться Иосиф Виссарионович с молодыми нашими друзьями, завсегдатаями дома – Федиными товарищами, моими и Надиными подругами.

Как бы поздно ни возвращался домой Иосиф Виссарионович, он и после наших чаепитий, и после бесед с мамой и отцом всегда усаживался за работу. Усталость, вероятно, брала свое, и, может быть, поэтому у Иосифа Виссарионовича выработалось обыкновение – прежде чем сесть за письменный стол, ненадолго прилечь на кровать. Дымя трубкой, он сосредоточенно и углубленно молчал, а потом неожиданно поднимался и, сделав несколько шагов по комнате, садился за стол. Как-то случилось, что Сталин задремал с дымящейся трубкой в руке. Проснулся он, когда комната уже наполнилась гарью: тлею одеяло, прожженное огнем из трубки.

– Это со мной не впервые, – с досадой объяснил Сталин, – как ни креплюсь, а вдруг и задремлю...¹²

¹² Аллилуева А.С. Воспоминания. М., 1946. С. 164–190.

СТАЛИН О БУДУЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

26 июля открылся шестой съезд РСДРП(б), в отсутствие Ленина, скрывавшегося вместе с Зиновьевым в Разливе от суда Временного правительства (по обвинению в шпионаже в пользу Германии). С отчетным докладом выступил на нем Сталин. Среди других вопросов обсуждался и вопрос о перспективе революции в России. Один из делегатов, Преображенский, предложил внести в девятый, заключительный пункт резолюции положение о том, что со взятием революционными классами государственной власти направление ее к социализму возможно «при наличии пролетарской революции на Западе». Эта идея тогда разделялась и Лениным, а в резолюции Бухарина «Текущий момент и война», одобренной делегатами, свержение капитализма в России связывалось с предварительной мировой пролетарской революцией. Сталин выступил против этой идеи, утверждая, что «не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму».

В результате голосования поправка Преображенского не прошла, Сталин получил поддержку делегатов.

Спустя несколько лет, в середине двадцатых годов, эта полемика по вопросу о социализме разгорится с ожесточенной силой – между троцкистами с их «перманентной революци-

ей», отношением к России как к материалу для мировой революции, и Сталиным, с его строительством «социализма в одной, отдельно взятой стране», с государственностью, не зависимой от мировой революции, от мировых капиталистических сил.

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ СТАЛИНА
НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП(Б)
(КОНЕЦ ИЮЛЯ – НАЧ.
АВГУСТА 1917 Г.)
...ВОЗРАЖЕНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ
ПО ВОПРОСУ О 9-М
ПУНКТЕ РЕЗОЛЮЦИИ «О
ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ»**

3 августа

Сталин читает 9-й пункт резолюции:

9. «Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества».

Преображенский. Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе – к социализму». Если мы примем редакцию комиссии, то получится разногласие с уже принятой резолюцией Бухарина.

Сталин. Я против такой поправки. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия, и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Еермании аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего.

Председатель. Ставлю на голосование поправку Преображенского. Отклоняется¹³.

¹³ *Сталин И.В.* Собр. соч. М., 1947. Т. III. С. 187–188.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТ РЕВОЛЮЦИИ – К АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ

В период с 25 октября (7 ноября) 1917-го и почти до конца 1929 г. И. В. Сталин из рядового члена Политбюро ЦК РСДРП(б) превратился во всесильного Генерального секретаря коммунистической партии, обладавшего не меньшей, а, пожалуй, большей властью, чем В. И. Ленин. Последнего он считал своим великим учителем, постоянно клялся ему в верности. И демонстрируемую при каждом удобном случае эту верность Сталин последовательно использовал в борьбе со своими партийными соперниками за абсолютную власть. В этой борьбе он одержал победу благодаря своему проницательному уму, стальной воле, выдержке, искушенности в аппаратных интригах, смелости и беспощадности.

Если верить клятвам Сталина, то можно подумать, что он всегда послушно, рабски следовал Ленину, ни в чем ему не противоречил, был послушным, педантичным исполнителем его воли. Это далеко не так. Сталин был реалистом в политике и несомненно большим реалистом, чем Ленин. Когда Ленин еще продолжал проповедовать необходимость мировой пролетарской революции, Сталин все более стал утверждаться в мысли, что надо ограничиться более скромной за-

дачей – построить социализм в одной стране, в России.

Выступив с такими идеями, Сталин сразу же столкнулся с Троцким, с его теорией «перманентной революции», в которой пролетариату отсталой России отводилась роль жертвенного костра для возжигания пролетарской революции на Западе. Так, Троцкий носился одно время с мыслью о военной интервенции Красной Армии не только в Польшу, но и в Германию для революционизирования тамошнего пролетариата. Но, как известно, из этого ничего не вышло. Слишком опасной и губительной могла оказаться для нашей страны эта авантюра. Борьба Сталина и Троцкого после Октября стала в центре политических битв, разгоревшихся в верхних эшелонах власти в нашей стране в двадцатых годах.

В этой трудной изнурительной борьбе победил Сталин со своей программой построения социализма в России, которая снискала поддержку в партии и народе. Народ не сбили с толку обвинения Троцким Сталина в «национальной ограниченности». Он не попался на удочку троцкистских интернационалистских лозунгов, шедших вразрез с национальными интересами нашего народа. Троцкий выступал за милитаризацию труда, за формирование трудовых армий, в которые силком предполагалось загонять рабочих и крестьян, за создание концентрационных лагерей для недовольных советскими порядками людей. Эти «инициативы» Троцкого не прибавили ему авторитета в народных массах, которых он охаивал как тупых и ленивых исполнителей.

Сталин оказался прозорливее Ленина и в ряде других важных вопросов. Так, Ленин и Троцкий подложили мину замедленного действия под фундамент России, когда начали в 1920 году ликвидировать губернии, искусственно создавать национальные образования. Из приведенных в данной главе документов видно, что Сталин в государственном строительстве отстаивал идею унитаризма и предоставления административно-территориальным частям государства ограниченных автономных прав. Он выступал против принципов федерализма в государственном строительстве, которые отстаивал Ленин. Под давлением Ленина Сталин пошел на некоторые уступки его проекту, но делал серьезную оговорку, что федерализм является временной переходной фазой государственности, что будущее за унитарным государством, о чем свидетельствовал мировой опыт.

Все сказанное не дает оснований для односторонней оценки Сталина как политического деятеля. Он был весьма противоречивой фигурой. В данной книге предпочтение оказывается авторам, старающимся дать объективный портрет этого исторического лица, не обеляя и не очерняя его. Представляется правомерным показать, с какими людьми Сталин сотрудничал и с какими вел борьбу. На этом фоне лучше прорисовывается его портрет.

Могут вызвать интерес приводимые в главе материалы о политике «военного коммунизма» и нэпа, важную роль в проведении которых сыграл Сталин.

***СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВСКИЙ*¹⁴** **«СТАЛИН»**

СМЕРТЬ ГУЛЯЕТ НАД СТРАНОЙ

Три года гражданской войны: напряженной, беспощадной, разрушительной, перевернувшей всю страну, всю ее залившей кровью...

...Странная вещь гражданская война, – записывает в дневнике ее участник и герой Дроздовский. – Какое озвечение вносит в нравы, какую смертельную злобой и местью пропитывает сердца. Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим добровольцам... Сердце мое мучится, но разум требует жесткости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено и разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергшегося издевательствам и

¹⁴ Сергей Дмитриевский – советский дипломат, имя которого в «Политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б)» упоминал Сталин, заявив, что Дмитриевский «был выкинут» из пределов СССР и что «мы впредь будем выкидывать вон таких людей, как бракованный товар, ненужный и вредный для революции». Решение остаться на чужбине Дмитриевский принял самостоятельно, а переосмысливая пройденный путь в революции России, написал в 1931 году книгу «Сталин». Приводим фрагменты из этой книги.

оскорблениям.

...В обстановке гражданской войны вырастали, учились жизни, духовно складывались люди, которые потом стали властвовать над Россией, – и те, кто идет в ней к власти сейчас.

В обстановке гражданской войны получил свою окончательную шлифовку Сталин.

СТАЛИН И ТРОЦКИЙ

На Царицынском фронте началась борьба меж Сталиным и Троцким, не столько борьба двух больших честолюбий, сколько борьба двух человеческих слоев и двух линий в революции.

Весна 1919 года. Северо-западная добровольческая армия под командой генерала Юденича неожиданно перешла в наступление и поставила под угрозу Петроград. В Финском заливе появился английский флот. Полковник Булак-Балахович повел со своими отрядами наступление на псковском направлении. Одновременно оживились на фронте эстонские отряды.

Три недели проводит Сталин в Петрограде. Железной рукой он восстанавливает порядок и дисциплину. Производит немедленную мобилизацию питерских рабочих и коммунистов, вливает их в части отступающей армии. Производит тщательнейшее расследование дел заговорщиков, выявляет

все нити, жестоко отсекает их. В этом помогает ему не знающий пощады, работающий, как бездушная машина истребления, Петерс. Штабы подтягиваются, растерянность войсковых частей исчезает. Создается перелом сначала настроения, а потом и военного положения.

Первый поход Юденича на Петроград был ликвидирован. Осень 1919 г... Самое трудное время для красной республики. Наступает решающий момент всей гражданской войны. Армии генерала Деникина подкатываются все ближе к Москве. Уже заняты Курск, Орел. Под угрозой Тула. Оттуда рукой подать до Москвы. Генерал Юденич опять готовит поход на Петроград. Положение самое отчаянное. Во многих армиях паническое настроение. Оно передается и населению – тем более, что у больших масс населения уже сочувствия к Советской власти нет. Многие как избавления желают прихода белых. Всюду поднимают голову организации содействия белой армии, даже в самой Москве. А тут еще продовольственное положение обострилось как никогда. В столицах, особенно в Петрограде, – настоящий голод. Вместо хлеба выдают немолотый овес. Промышленность почти остановилась, нет топлива. Снабжать армии почти нечем.

Нужен перелом на фронте. Нужна стальная рука, опытная уже в военном деле, имеющая доверие и опору в армейских массах. Кто? – Только Сталин.

Сталин ставит перед Лениным и Центральным Комитетом три условия.

Первое: Троцкий не должен вмешиваться в дела Южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии.

Второе: с Южного фронта должен быть немедленно отозван ряд работников – протеже Троцкого, – которых Сталин считает вредными для дела восстановления боеспособности фронта.

Третье: на Южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору Сталина...

Ленин собственноручно написал приказание высшему штабу об изменении отжившей себя директивы. План Сталина был принят. Осуществление его повлекло за собой разгром Деникина и решительный перелом всего положения на фронтах гражданской войны в пользу красных. Кончилась гражданская война...

Партия Ленина никогда не была вполне единой ни по своему человеческому материалу, ни по идеям и интересам, движущим ее людьми. Единство ее выступлений вовне, ее «генеральной линии», охранялось сильной рукой и непрерываемым авторитетом ее создателя и вождя.

В процессе революции партия выросла. Она вобрала в себя и все почти активные революционные элементы населения, вобрала в себя и многие тысячи случайных, пристраивавшихся к власти людей. Наличие в руках партии власти меняло подход к идейным разногласиям. Идеи получили в революции жизненное значение, за идеями стояла власть и

возможность через эту власть многое осуществлять. Намечалась неизбежность жестокой борьбы...

Троцкому на Россию как таковую было наплевать. Его бог на небе был Маркс, на земле – западный пролетариат, его священной целью была западная пролетарская революция. Троцкий был и есть западный империалист наизнанку, взамен культурного западного капитализма, взорвав его, он хотел иметь культурный западный пролетарский социализм. Взамен гегемонии над миром западной буржуазии – гегемонии западного пролетариата. Лицо мира должно было измениться только в том отношении, что у власти вместо буржуазии становился пролетариат. Прочая механика должна была остаться примерно прежней – то же угнетение крестьянства, та же эксплуатация колониальных народов. Словом, это была идеология западных социалистов, и разница была одна: те не имели мужества дерзать, Троцкий дерзал; те хотели только разделять власть над миром, Троцкий хотел иметь ее целиком в руках своих и избранного класса.

Россия для Троцкого была отсталой страной с преобладанием «подлого» земледельческого населения, поэтому сама по себе на пролетарскую революцию она не была способна. Роль хвороста, разжигающего западный костер, роль пушечного мяса западной пролетарской революции – вот роль России и ее народов. Гегемоном мирового революционного движения Россия не могла быть. Как только огонь революции перебросится на «передовые», «цивилизованные» стра-

ны, к ним перейдет и руководство. Россия вернется в свое прежнее положение отсталой страны, на задворки цивилизованной жизни, из полукolonии культурного капитала превратится в полукolonию культурного социализма, в поставщика сырья и пушечного мяса для него, в один из объектов западной пролетарской эксплуатации, которая неизбежно должна быть, ибо иначе нет возможности сохранить для западного рабочего его привилегированное положение.

В самой России Троцкий стремился утвердить безраздельное господство рабочего класса, вернее, привилегированных верхушек его. Только таким образом удастся погнать на чуждую им борьбу тупую массу деревенских рабов. Только таким образом, организовав из русского рабочего класса касту надсмотрщиков-управителей, удастся в дальнейшем подчинить русскую деревню западному паразитическому пролетариату. Отсюда враждебное отношение Троцкого к идее «рабоче-крестьянского» государства и союза, ставка на «рабочее» государство, на полное порабощение – как политическое, так и экономическое – городом деревни. Отсюда же, в дальнейшем, идея «сверхиндустриализации» России: опять не в интересах России как таковой, но во имя быстрого создания в ней мощного рабочего класса-властителя.

Жизнь разбивала все идеи и все планы Троцкого. Революции на Западе не происходило. Наоборот, капитализм на Западе все больше «стабилизировался». В то же самое время

от русской революции все крепче начинало пахнуть мужицким, сермяжным духом.

Под давлением разбившей их жизни Троцкий и его группа пришли в конце концов к «ликвидаторству»: русская революция потеряла для них смысл.

ПИОНЕРЫ НОВОЙ РОССИИ

Судьба революции решалась не в кабинетах и квартирах партийных чиновников, не в столицах и городах вообще, но на фронтах гражданской войны, на широких полях земли, в дыму крестьянских восстаний, среди голода. Там редко бывали люди типа Троцкого. Изредка только проносились они по огненной линии фронта и по развороченным полям в блестящих салон-вагонах — и не столько помогали, сколько мешали. Там были свои люди. Там вырастал слой крепких людей русской просторной земли, который именно и лег в основу ленинской партии, который именно и проделал подлинную работу революции: черную, трудную, кровавую. Эти люди в своем большинстве прежде почти никому не были известны. Часть из них, но очень небольшая, принадлежала к партийной «старой гвардии» — к русской подпольной ее части. Но большинство принадлежало к молодежи. Некоторые из этой молодежи тоже получили закалку еще в подпольной революционной работе, остальные же, подавляющая масса, были выращены для революции войной. Тут были выход-

цы из разных общественных слоев: и простые дети народа, низов, рабочей и крестьянской среды, и интеллигенты, все – вплоть до дворян, до аристократов. В результате тяжелой жизни, упорной и кровавой борьбы они все стали внутренне на одно лицо. Их души поросли звериной шерстью, покрылись мозолями – и стали непроницаемыми для праздных сантиментов и сомнений. Много, много уродства было в их душах, как много было уродства и в сложившейся в своеобразных русских исторических условиях народной душе. Но эти люди были плоть от плоти народа. И именно такие люди были нужны стране в жестокую эпоху революции. Они походили на пионеров американского Запада. Они были пионерами новой России, которую не только хотели обратить во вторую Америку, но поставить еще выше, выше всех прочих стран, выше всего мира...

В теории они часто сбивались. Некогда было ею серьезно заниматься. И они боролись не столько за отвлеченные принципы, сколько за родную землю, за ее независимость, богатство, мощь. Они называли себя коммунистами. Но коммунизм был для них не столько целью, сколько орудием национальной борьбы. Внутри страны ими разрушались фактории иностранного капитала – динамитом коммунистических идей они хотели взорвать западный империализм в его собственных твердынях. Кроме того, идеи коммунизма вносили какой-то высший смысл в их борьбу. Они делали Россию носительницей огромной идеи мирового счастья, обето-

ванной страной всех угнетенных народов, священной родиной социализма — совокупность их идей легла в основу своеобразного русского национал-коммунизма. Из них родились теории социализма в одной стране и красного империализма, ставшие краеугольными камнями сталинской системы.

С такими идеями долгое время шли на борьбу, пробивались к власти народные, основные слои партии, по преимуществу ее молодое, второе поколение. За ними, тесно с ними сливаясь, шла масса еще более фанатично-русской, еще более пронизанной непримиримостью к Западу и к западным идеям и людям молодежи, рожденной уже самой революцией.

Вождем этих слоев был Сталин. Он сам был плоть от плоти их, вырос, воспитался в тех же, что они, условиях. И эти слои на своих мускулистых руках и вынесли его к власти...

...Сталин не терял времени. Одержав формальную победу, которая на некоторое время закрепляла в его руках власть, он стал с лихорадочной быстротой осваивать партию и переделывать партийный аппарат: только это могло дать ему окончательную победу. Кроме Молотова, Дзержинского и Орджоникидзе, его ближайшими помощниками в этой работе были Бубнов и Андреев.

САМОДЕРЖАВИЕ ПАРТИИ

Сталин, сведя постепенно на нет все зачатки советского

демократизма, создавшиеся было в последние ленинские годы, довел до крайнего выражения самодержавие партии в стране.

В то же время в самой партии централизация была доведена до крайних своих выражений...

И в то же самое время власть – как это ни странно – не отдалась, но приблизилась к народным массам в известной их части. В самую партию были вовлечены большие массы новых членов, один за другим объявлялись наборы в партию «рабочих от станка», их принимали в нее десятками и сотнями тысяч. И это не ослабляло, но усиливало диктаторскую верхушку. Троцкий в свое время презрительно называл тысячи тысяч новых людей народной массы «голосующей скотинкой». Частично это верно: эта масса почти слепо шла за Сталиным... Но почему эта масса шла именно за Сталиным и его людьми? Была ими куплена? – Нет. Покупали в большинстве голоса именно троцкистской интеллигенции. Там продажность процветала – и ею Сталин широко пользовался. Но все увеличивавшаяся масса народных членов партии шла за сталинской группой главным образом потому, что находила в ней, в ее стремлениях, в ее идеях, в самой психологии людей, ее составлявших, что-то близкое и родственное себе. Она ощущала, что Сталин и его люди не просто играют в политику, не просто ищут власти, ради нее самой, ради выгод, какие она дает, но искренне стремятся что-то дать народу.

И эти широкие массы нового партийного материала, соче-

тавшись с народным же по своему происхождению и по своим устремлениям руководством, выполняли для него громаднейшую службу: они тысячами нитей связывали партию, вернее, сталинскую ее группу, с народными массами, которые они представляли, служили в этой массе проводниками и идеологии, и действий сталинизма.

Опираясь на партийный аппарат, опираясь на шедший за ним тогда почти целиком слой народных революционеров, опираясь на шедшую за ними часть народной массы, опираясь на большую часть активной молодежи, – играя на высоких и низменных инстинктах всех слоев партии, обольщая успехами революции одних, ударяя по национализму других, покупая третьих почестями, выдвижением, угрожая, ломая хребты, сажая в тюрьмы, расстреливая, убивая исподтишка, – Сталин победил в борьбе со всеми противниками из «старой гвардии».

Сталин почти одновременно разбил не только Троцкого, но и Каменева, и Зиновьева – и положил конец олигархии болота, в которой сам вынужден был так долго барахтаться. Троцкий был при презрительном и злорадном молчании страны отправлен сначала в ссылку, потом за границу. Каменев и Зиновьев скоро «покаялись», приползли обратно в партию, но власти уже не получили, а только сытный кусок, при условии – сидеть тихо и изредка помогать Сталину. Каменев был впоследствии использован Сталиным для провокации Бухарина на откровенные заявления, которые, бу-

дучи немедленно переданы Каменевым Сталину, послужили большим козырем последнего в борьбе с «правой оппозицией».

Сталинская система идей несложна – но в этом ее сила: она доступна самому примитивному пониманию. В основе всего у Сталина и сейчас, как и много лет назад, лежит ленинская теория империализма, «как кануна социалистической революции». Из нее Сталин выводит идею русского, вернее, русско-азиатского, совокупности русско-азиатских народов, объединенных в Советский Союз, мессианизма. А из этого, в свою очередь, естественно возникает идея «красного», «пролетарского», вернее же – русско-азиатского империализма.

– Мир раскололся на два лагеря: на лагерь империализма и на лагерь борьбы против империализма.

– Во главе недовольных и борющихся насмерть с империализмом становится наша страна, Советский Союз.

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ

Вот та простая формулировка, которую дает совокупность идей Сталина. Здесь альфа и омега всего. Прочее – коммунизм, социализм – является придатком, орудием, формой, может меняться, в зависимости от потребности. Но основная идея – борьба с империализмом, разгром его – остается неизменной.

Для того чтобы иметь возможность не только противостоять Западу в его предполагаемых «интервенциях», но и победить его, нужно многое. Политически и идейно Россия, по мнению Сталина, и сейчас уже выше Запада. Но нужно догнать и перегнать Запад экономически. Отсюда стремление к быстрейшему преодолению русской экономической и технической отсталости. Отсюда индустриализация страны, создание собственной продукции средств производства. Отсюда коллективизация сельского хозяйства. Отсюда все большее усиление режима насилия в стране...

– Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

Так говорит Сталин.

– Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых быть. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!

Этот национал-коммунистический ход мыслей безукоризненно правилен, если стать на точку зрения Сталина и говорить не о независимости России вообще, но о независимости России сталинской, национал-коммунистической. Чисто национальная власть в России сумела бы и без сегодняшнего бешеного напряжения всех народных сил обеспечить право своей страны на независимое развитие: революция дала для этого достаточно предпосылок. Это право могло бы быть осуществлено национальной властью не на почве ожесточенной экономической и вооруженной борьбы с Западом, но,

наоборот, на почве примирения и соглашения с ним. Именно с Запада могли бы прийти недостающие России для резкого экономического подъема, для реального осуществления в интересах русской нации планов индустриализации государства.

Но иначе обстоит дело с властью национал-коммунистической, сталинской. На полное примирение и соглашение с Западом она неспособна. Это исключается всей концепцией сталинской мысли. Сталинская Россия и Запад – два разных и два борющихся мира. И дело не в военной интервенции с Запада, в которую и сам Сталин, конечно, не верит. Не этим путем Запад может его победить, но экономически и политически – своими основными идеями – внутри самой страны. Все дело в том, что индустриализация нужна Сталину не столько для обеспечения независимости России как таковой, сколько для сохранения за собой власти и для осуществления своих империалистических планов. Политическая власть давно уже в руках Сталина. Но полной экономической власти в его руках до сих пор еще нет. Она возможна только на базе охватывающего всю без исключения экономическую жизнь страны монополистического государственного капитализма. Но пока что этого нет. А когда Сталин начал свою индустриализацию – и подавно не было. Промышленность была слаба, всех потребностей населения не удовлетворяла. Уже это одно открывало возможность влияния Запада. Но самое главное: существовало и крепло

собственническое крестьянство. Здесь лежала главная опасность. Окрепши, крестьянство могло поставить вверх ногами положение дел в стране: не само быть «регулируемым» сталинской властью, но самому начать регулировать ее, что оно не однажды уже и пыталось делать, пряча хлеб, основу жизни страны. Это были слабые попытки. Но со временем они могли стать настойчивее и сильнее. Крестьянство, организовавшись экономически, могло сорганизоваться и политически – в рядах той же коммунистической партии, что уже стало намечаться.

СУРОВЫЕ И ОЗАБОЧЕННЫЕ ЛЮДИ

В просторной комнате в Кремле, за длинным столом, сидят суровые и озабоченные люди. В этой комнате собирались еще тогда, когда был жив Ленин. Отсюда управлялась страна. Тогда были дни больших надежд. Тогда все казалось простым и ясным. Впереди виделось спокойное и радостное будущее.

Ленин умер. От него в этой комнате остались только крышка стола, за которым он работал, да кресло: стоят в углу, за шелковым шнуром, как в музее. Да еще портрет на стене. И из тех людей, с которыми он работал, большинства уже нет. Новые, более молодые и более суровые, пришли сюда.

Председательствует Молотов. Самый сильный в стране после Сталина человек. Твердая воля. Ясный и упорный ум.

Рядом с ним его правая рука – с измученным лицом, с блестящими от постоянного напряжения глазами, незаметный, невзрачный, но с громаднейшим запасом жизненной энергии – Андреев... Иной раз здесь собирается человек до пятидесяти. Все люди, вышедшие из войны и революции. Избранные случаем, судьбой, люди сегодняшней страны, те, от кого, в их совокупности, зависит многое и в настоящем ее, и в будущем. Это Совнарком, значение которого сильно поднялось после того, как его председателем стал Молотов.

Все вопросы жизни страны проходят перед ними. И мрачают лица. Выдержит ли страна? Правилен ли путь?

Все они долго шли вместе. Все они до ослепления любят свою родину, прекрасную Россию. Но сейчас, на поворотном пункте ее истории, многие думают по-разному.

Одни готовы на все закрыть глаза – и упрямо идти вперед сегодняшними путями.

– Народ устал? Не хочет уже жертвовать всем? Хочет жить для себя? Требуется мира? Хлеба? Свободы?.. Ничего. Потерпят...

Другие, наоборот, все шире раскрывают глаза, все больше оглядываются на живую народную жизнь, стараются вдуматься в народные нужды, желания, тайные мысли.

– Не пора ли, – думают они, пока что еще нерешительно, сомневаясь, – по-иному как-то сомкнуться с народом? Пойти по пути не мертвой идеи, но живых потребностей сегодняшнего дня?..

...Спокойный, неподвижный сидит Сталин – с каменным лицом допотопной ящерицы, на котором живут только глаза. Все мысли, желания, планы стекаются к нему. Он читает, слушает, напряженно думает. Уверенно, не спеша отдает приказания. Плетет сеть интриг. Возвышает одних людей, растаптывает других. Покупает, продает тела и души.

...Он знает все, что происходит на просторах огромной России. Но его ничто не волнует. У него нет сомнений. Ему никого и ничего не жалко. Понадобилось – и он залил кровью родную Грузию, железными цепями диктатуры приковал ее к телу социалистической России. Может быть, под пулями его солдат падали сверстники его детских игр... Что из того! Они оказались предателями. Они просили помощи у империалистов Запада, сговаривались с вековым врагом, с Англией. Предателям – смерть! Нет, ему никого не жалко. Великое дело требует таких же и жертв... Жизнь идет вперед – и время разрушает все. Качается уже и трон его власти. Он знает и это. Он чувствует, что все большей становится пустота вокруг него. Но почему? Разве его путь – не народный путь?

Сегодня – нет. Сталин уже пройденный этап революции. Он нужен был для того, чтобы практически поставить в порядок дня задачу роста национального самосознания великого народа. Он нужен был для того, чтобы острым плугом стальной воли и безграничной власти перепахать русскую землю, выкорчевывая из нее все старое. Он нужен был для

того, чтобы заложить материальный фундамент здания новой национальной империи. Это сделано. На взрыхленной им почве вырастают новые люди и новые идеи.

Эти люди возьмут многое из намеченной вместе с ним программы. Но внесут одно громадное добавление, одну идею, отсутствие которой сводит на нет все его усилия, делает мертвым все, к чему он ни прикоснется – рожденную и выношенную ненавистным Сталину Западом идею свободы человеческой личности. Значение этой идеи понял великий Ленин. Его понимают и новые его наследники. Из свободы личности – и только из нее – вырастает хлеб: основа жизни, человека, страны, нации.

Стокгольм. 4 апреля – 28 мая 1931 г.¹⁵

¹⁵ «Советская Россия». 12 авг. 1990. С. 4.

В. НАДТОЧИЕВ

«ТРОЙКА», «СЕМЕРКА», СТАЛИН

**«ВЗРЫВ БЫЛ ДЛЯ МЕНЯ
АБСОЛЮТНО НЕОЖИДАННЫМ»**

Это признание принадлежит Троцкому. Он сделал его, уже находясь в далекой Мексике, через тринадцать лет после XIV съезда ВКП(б).

Трудно поверить, что всегда самоуверенный, высокомерный со всеми (за исключением Ленина), заносчивый, категоричный в суждениях, всезнающий Лев Давидович Троцкий, окруженный многочисленными помощниками и осведомителями, вдруг оказался в положении героев гоголевского «Ревизора» – удивленно-растерянно-пораженным.

Можно, правда, предположить, что такой прием понадобился ему для того, чтобы как-то объяснить свою позицию молчания, которую он занимал на съезде. Ему – члену Политбюро – несомненно было известно, что в развернувшейся к этому времени внутривластной борьбе по проблемам социалистического строительства отчетливо обозначились два лагеря: «большинство» во главе со Сталиным и Бухариным и «новая оппозиция» с ее лидерами Зиновьевым и Каменевым.

вым. И те, и другие имели своих преданных сторонников. Их идейные разногласия усугублялись еще и борьбой за власть, за личное лидерство в партии. И Сталин, и Зиновьев с Камeneвым, и, конечно, Троцкий ставили процесс выработки политически верных решений в зависимость от успеха в этой борьбе. Все это, вместе взятое, диктовало им и выбор сторонников, и политическую позицию. Можно добавить только одно: в отличие от других членов Политбюро (Бухарина, Рыкова, Томского), Троцкий не осуждал действий оппозиции и не сделал ни единого шага, чтобы как-то устранить имевшиеся разногласия внутри Центрального Комитета. А они были, и серьезные.

В первые годы после Ленина дискуссии в партии приобрели особую остроту. Пожалуй, цель их была не в коллективной выработке решений, а в выявлении тех, кто высказывал особое мнение или свою позицию, порой не схожую с «генеральным курсом». Как правило, это были отдельные члены партии или группы, критически настроенные к официальному курсу, но в то же время, как им казалось, стремившиеся вынести на обсуждение партии свою программу действий, предложить свои «рабочие гипотезы» решения тех или иных задач социалистического строительства. Сколь это ни прискорбно, именно в 1924–1925 годах они стали причисляться к врагам партии, а их мысли подвергались резкому, а подчас и жестокому осуждению. Но вернемся к XIV съезду партии...

С Политическим и Организационным отчетами ЦК выступили Сталин и Молотов. Делегаты уже было приготовились к обсуждению отчетов, как возникло неожиданное обстоятельство – оппозиция выставила своего содокладчика в лице Зиновьева. И хотя регламентом была предусмотрена такая возможность, этот факт крайне удивил и озадачил большинство участников съезда.

Создалась чрезвычайная ситуация.

Подавляющее большинство съезда поддержало Сталина и Бухарина. Оно клеймило, разоблачало, доказывало, наступало. Оппозиционное меньшинство, в свою очередь, отбивалось, обвиняло, выставляло свои требования. Троцкий молча наблюдал, взвешивал, прикидывал. Логическим завершением яростной полемики по спорным идейно-теоретическим вопросам стало высказанное устами Каменева, под сильный шум собравшихся в зале, требование оппозиции: «...Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба... мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя».

Это была кульминация съезда. Это была та «бомба замедленного действия», которую заготовила оппозиция и о которой вспоминал Троцкий.

Небезынтересно вернуться к истокам этой истории. С чего же и как все начиналось? И к чему все это вело?

ПОСЛЕ ЛЕНИНА

Тяжелейшей утратой для партии и страны явилась смерть В. И. Ленина. Чтобы хоть отчасти восполнить отсутствие вождя, важно было сохранить сплоченность внутри ЦК и в особенности в его Политбюро. Помимо Ленина, тогда в Политбюро входили Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков, Томский, Троцкий и Бухарин, переведенный в июне 1924 года после смерти Ильича из кандидатов в члены Политбюро.

В партийной среде все чаще говорилось о сложившемся к этому времени ядре в ЦК партии, о том, что это ядро призвано вести всю партию по завещанному Лениным пути. В его составе назывались три «ветерана» по стажу пребывания в Политбюро – Сталин, Каменев и Зиновьев, между которыми существовали не только партийные, но и товарищеские, личные отношения еще со времен совместной ссылки в Туруханском крае, Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны. Всех троих связывала еще одна нить – борьба с их общим политическим противником, претендовавшим на особые роли в партии и государстве после Ленина, – Троцким.

Каждый член «тройки» исполнял определенные функции и обязанности. Так, Зиновьев являлся основным докладчиком и выступающим практически на всех политических форумах в это время: на XII и XIII съездах партии, на парт-

конференциях, съездах Советов, профсоюзов, конгрессах Коминтерна и других. Еще при жизни Ленина пост председательствующего на заседаниях Политбюро занял Каменев; его характерной особенностью было умение формулировать вносимые предложения. Сталин же, будучи генеральным секретарем ЦК с 1922 года, сосредоточил свое внимание на работе аппарата Центрального Комитета, на подборе и расстановке руководящих и местных партийных кадров.

Драматическая ситуация в партии сложилась в связи с политическим завещанием Ленина, и в первую очередь с «Письмом к съезду». В этом ключевом документе, как известно, давались итоговые, лаконичные, но чрезвычайно емкие по содержанию оценки членов Политбюро ЦК, говорилось о возможных рецидивах их прежних ошибок. Естественно, что это не могло не повлиять и на сам характер взаимоотношений между отмеченными Лениным деятелями партии. Никто из указанных в «Письме» не был заинтересован в том, чтобы вступать в конфликт между собой на платформе этого ленинского документа. Более того, со стороны Каменева и Зиновьева предпринимались попытки по-своему интерпретировать ленинские оценки и высказанные мысли. Будучи директором Института Ленина, в распоряжении которого находились ленинские документы, Каменев вместе с Зиновьевым, тоже членом комиссии по приему бумаг Ленина, прилагали все силы к тому, чтобы оставить Сталина на посту генсека, рассчитывая использовать его организатор-

ские способности в борьбе против Троцкого.

Нет нужды повторять читателям содержание «Письма к съезду», историю его появления. Однако напомним, что именно Зиновьев и Каменев вместе со Сталиным проводили совещания делегаций на XIII партсъезде. Они зачитывали этот ленинский документ, выступали с комментариями к нему, они ратовали за то, чтобы оставить Сталина на посту генсека. То есть они имели возможность, и немалую, формировать мнение делегаций, влиять на выработку их решений.

Положение Сталина в этот момент было предпочтительнее других. В ожесточенной дискуссии с Троцким по вопросам партийного строительства и экономической политики партии, состоявшейся незадолго до смерти Ленина осенью 1923 года, он опирался на аппарат, на существовавшее в партии недоверие к Троцкому, к его политическому прошлому.

В результате авторитет Сталина заметно вырос, а делегаты XIII съезда РКП(б), высказавшиеся за его кандидатуру на посту генерального секретаря ЦК партии, фактически предприняли решение этого вопроса на организационном Пленуме ЦК в июне 1924 года, которому ничего другого не оставалось, как «оформить» переизбрание Сталина. Такая процедура способствовала определенному возвышению генсека над остальными членами Политбюро. Произошло усиление его влияния, определенное выпячивание его личности.

Похоже, что у Сталина в этой ситуации появилась возможность дать ясно понять, что он уже больше не отождеств-

ляет себя с деятельностью Зиновьева и Каменева, проводившими, как и он сам, политику «отсечения» Троцкого. На этом этапе Сталин всецело солидаризировался с позицией большинства ЦК, считавшего, что, наряду с Троцким, все большую угрозу единству партии приобретала «особая позиция» Зиновьева и Каменева, по сути также сводившаяся к попыткам укрепить свое положение за счет отстранения других политических лидеров.

К этому времени обстановка уже прояснилась. Например, Зиновьеву удалось немало сделать в плане укрепления собственного положения в Ленинграде. Он окружил себя подобранным по принципу личной преданности людьми, готовыми отстаивать претензии Зиновьева, бросить вызов Москве, то есть Сталину и группировавшимся вокруг него деятелям партии.

В этой обстановке Сталин решил воспользоваться своим положением и предпринял попытку закрепить его. 17 июня 1924 года в докладе «Об итогах XIII съезда РКП(б)» на курсах секретарей укомов при ЦК партии он обвинил Каменева в «беззаботности насчет теории, насчет точных теоретических определений». Досталось и Зиновьеву, в особенности за выдвинутый тезис о «диктатуре партии как функции диктатуры пролетариата». В свое время этот зиновьевский тезис, по словам Сталина, вызвал острые споры, «путаницу и неразбериху» и, как следствие, несогласие и негативную реакцию партийных масс. 20 июня часть сталинского доклада

была опубликована в «Правде».

От этого выступления и отсчитывается начало открытой борьбы за власть между этими членами Политбюро. Как позднее напишет Зиновьев, с того момента начинается его (Сталина. — *Авт.*) двухлетняя работа по созданию своей группы цекистов и отстранению от руководства Каменева и Зиновьева.

А ЧТО ЖЕ ТРОЦКИЙ?

Действительно, чем был занят он? Выдвигая все новые и новые острые политические и теоретические вопросы, требующие долговременных дискуссий и обсуждений, Троцкий все время держал партию в полемическом напряжении. Это давало основания обвинять его в стремлении отвлечь коммунистов от решения назревших практических задач социалистического строительства. Помимо своего желания он все больше и больше укреплял авторитет Сталина как лидера партии. «Этот вывод парадоксален, — пишет генерал-полковник Д. Волкогонов, — но, пожалуй, никто не способствовал так укреплению положения Сталина во главе партийной колонны, как Троцкий». С этим нельзя не согласиться.

Партийное большинство имело право считать, что вокруг Троцкого группируются его сторонники, что он стал центром сочувственного внимания всех небольшевистских элементов. Зиновьев и Каменев заявляли, что «как истинные

ленинцы» не могут разговаривать по основным вопросам с Троцким, с «этим меньшевиком, с этим разрушителем ленинизма» (как и они, Троцкий являлся членом Политбюро ЦК!). Они утверждали, что могут работать только при том условии, если основные вопросы будут обсуждаться в тесном кругу ленинского ядра, вспоминал позднее Я. Э. Рудзутак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.